

Иулиания Шмеман

Моя жизнь с отцом Александром

Уже много лет отца Александра нет с нами, но его проповеди, богословские труды и дневники для многих из нас стали настоящей опорой в вере и путеводителем ко Христу. Для тех, кто чтит память о. Александра Шмемана, эта небольшая книжка станет еще одним словом о нем, еще одной возможностью вдохнуть той атмосферы, в которой жил и трудился этот замечательный пастырь. «Эти воспоминания — мой способ благодарения за то счастье, что я разделила с Александром, и я повторяю вместе с ним: «Господи, хорошо нам здесь быть!» — написала матушка Иулиания, и эти слова как нельзя лучше передают и смысл и суть этой книги.

Оглавление

Пролог	2
Пикник во Франции 1943	2
Таллинн, Эстония.....	2
Анна Тихоновна	5
Белград	6
Париж.....	6
Воспитание • Образование • Юные годы	6
Семейная жизнь	9
Лотерея.....	10
Июнь 1939 года • Война	10
Встреча.....	11
Моя семья	11
В Германии	14
Вернемся к Александру.....	18
Свадьба.....	19
Замужняя жизнь	21
Переезд в Америку.....	28
Нью-Йорк после Парижа.....	31
Крествуд, штат Нью-Йорк.....	37
Автокефалия	39
Православные евангелисты.....	41
Путешествия	41
Домашняя жизнь	43
Время идет	44
Солженицын	45
Литургия и жизнь.....	46
Лак Лабель	48
Последний путь	50

Пролог

Мои дети дразнят меня, что мне надо все делать немедленно, предпочтительно вчера.

Если бы у меня было больше времени, возможно, я вспомнила бы больше и лучше, но я хочу, чтобы вы, мои дети, внуки, правнуки, родственники и друзья, прочитали мои воспоминания, пока я еще здесь, с вами.

Если Вам столько лет, как мне, и Вы думаете о том, что можете покинуть этот мир в любой момент, Вам не хочется оставить после себя незаконченный труд.

Я встречаю каждый день как благословение. Каждое утро я чувствую себя счастливой, что в моей жизни есть еще один день. В моем возрасте тело немощно, но мне повезло больше, чем многим.

Я люблю жизнь.

Иулиания Шмеман • Монреаль • Июнь 2006

Пикник во Франции 1943

В большой, залитой солнцем комнате лежала Анна Тихоновна Шмеман, усталая, но счастливая: у нее только что родился здоровый мальчик, Андрей.

Это было 13-го сентября 1921 года.

Госпиталь был в Таллинне, Эстония.

Муж Анны Тихоновны сидел рядом с ней, когда они оба обратили внимание на то, что доктор опять тщательно моет руки, натягивает перчатки и направляется к кровати

– Что-то не так? — спросила Анна Тихоновна, и в голосе ее прозвучала тревога.

– Не так? Все так! У Вас еще один ребенок, и ему нужно помочь выйти на свет.

И на свет вышел Александр, вытянутый за ножки, который терпеливо ждал, незамеченный и неожиданный, чтобы мир его приветствовал.

И с этого дня близнецы сохраняли необыкновенно близкую связь до самой смерти Александра, 13го декабря 1983 года, после которой Андрей остался один со своей любовью и горем, но и с твердым убеждением, что рано или поздно они снова будут вместе

Таллинн, Эстония

Почему Эстония?

Заканчивалась первая мировая война. Россию охватила революция и война гражданская. Красная армия гнала Белую все дальше на юг. Везде царил хаос.

В начале первой мировой войны Дмитрий Николаевич Шмеман, один из восьми детей сенатора Николая Эдуардовича Шмемана, действительного тайного советника, члена Государственного совета, учился в Петербургском университете на юридическом факультете, намереваясь пойти по стопам отца. Николай Эдуардович Шмеман был блестящим правоведом и законодателем. Страна его находилась в состоянии войны, и сенатор разрабатывал реформы, могущие обеспечить России справедливые и разумные условия для свободной торговли и поддержать сильное единое правительство. Он надеялся, что

это поможет предотвратить неизбежное и потушит революционный пожар, уже начинающий разгораться по всей России.

Когда началась война с Германией, Дмитрий Николаевич Шмеман, как и многие его сверстники, оставил университет и записался в Пажецкий корпус, на ускоренные офицерские курсы. После окончания курсов он был направлен в пехоту, в Семеновский полк, шефом которого был сам Государь Император Николай Второй. Двое из братьев его будущей жены, Николай и Тихон Шишковы, служили в том же полку. В одном из боев Дмитрий Николаевич и Тихон Шишков были тяжело ранены. Николай Шишков в том же бою был убит. Дмитрий Николаевич вспоминал, как, пробегая мимо раненого Тихона, подумал: «Ну, слава Богу! Хоть один из нас выживет!» И тут же упал, тяжело раненный в голову. Оба они были подобраны на поле боя и отправлены в тыл, в Петербург. На долю Дмитрия Николаевича выпала грустная обязанность известить семью Шишковых о смерти их старшего сына Николая.

Голова Дмитрия Николаевича была забинтована, он выглядел героем, бинты скрывали его оттопыренные уши. Семейное предание гласит, что прекрасная Анна Шишкова не смогла противостоять ему. Они полюбили друг друга, обручились и обвенчались 25 сентября 1918 года. Все произошло очень быстро, как это часто бывает во время войны. После свадьбы Дмитрий Николаевич почти сразу же вернулся в полк. Хаос войны, вызванной революцией, породил взрыв насилия, многими предсказанный. Но, к сожалению, на эти предсказания правительство не обращало внимания. После нескольких лет ужасного кровопролития на северо-западном фронте, Семеновский полк вернулся в Петербург, ему была поручена защита города от Белой армии, теснившей большевиков. Но вместо того, чтобы защищать красных, Дмитрий Николаевич и многие другие офицеры вступили в Белую армию, которая сумела подойти довольно близко к старой имперской столице, но была отеснена, и, в конце концов, самораспустилась в Эстонии, ставшей к тому времени независимым государством.

Разлука Анны Тихоновны и Дмитрия Николаевича длилась около полутора лет. В это время, 12 августа 1919 г., в Петербурге Анна Тихоновна родила дочку Елену и переехала вместе с ней к родителям мужа. Жить в городе, власть в котором принадлежала сначала Временному правительству, а потом большевикам, было трудно: не хватало еды, денег, не было никакого заработка. Много лет спустя, когда мы с Александром уже поженились, Анна Тихоновна рассказывала мне о тех тяжелых временах, о том, как они продавали некоторые драгоценности, другие зашивали в свою одежду, давали взятки чиновникам для получения фальшивых паспортов и выездных бумаг и т. п. В конце концов, им удалось бежать из Петербурга. Николай Эдуардович Шмеман, его жена и пять дочерей (Лина, Ольга, Маруся, Наташа и Вера), а также Анна Тихоновна с маленькой Еленой добрались до Таллинна, столицы Эстонии, ставшей к тому времени независимым государством. Покинуть Россию им помог один чиновник, давно знавший Шмеманов и организовавший им побег. Благодаря сохраненным и спрятанным семейным драгоценностям они смогли заплатить за путешествие и снять в Таллинне квартиру. Сразу же они начали искать работу.

Брат Дмитрия Николаевича Сергей, морской офицер Крымского флота, умер в военном госпитале от неизвестного заболевания крови. Другой его брат, Андрей, с женой и ребенком уехал из Петербурга и обосновался в Венгрии, где и прожил много лет на положении беженца. Между тем в Таллинне, в условиях ежедневной борьбы за выживание, страха и неуверенности в завтрашнем дне, дочь Анны Елена выросла здоровенькой девочкой с прекрасными темно-золотыми волосами и огромными голубыми глазами.

И вдруг — чудо! В один прекрасный день, прямо как в сказке, как гром среди ясного неба, на пороге таллиннской квартиры Шмеманов появился Дмитрий Николаевич! Худой, усталый, уже без повязки на голове (без бинтов сразу стали заметны его незабываемые уши!). Его полк распустили, и

каждый оказался предоставленным самому себе. Дмитрий Николаевич узнал, что его семья покинула Петербург и переехала в Таллинн. Туда он и направился и нашел свою семью! Он впервые увидел свою дочь, которой было уже полтора годика, а та заплакала от страха при виде незнакомого дяди. Прошло немало времени, пока она привыкла к присутствию в своей жизни отца.

Во всех испытаниях и трудностях Дмитрий Николаевич всегда оставался истинным джентльменом, тем очаровательным мужчиной, которого я узнала и полюбила много лет спустя, когда вышла замуж за его сына. Дмитрий Николаевич был прекрасным музыкантом. Вероятно, единственное, что он действительно умел делать хорошо (кроме военной службы), это играть на скрипке. Трудно даже представить, что чувствовали сорванные с привычных мест молодые «ветераны», очутившиеся не по своей воле в чужой стране, ведущие какое-то странное полуголодное существование. Женщины были заняты тем, чтобы накормить семью, обеспечить ее хотя бы минимальными бытовыми удобствами, а мужчины не имели и этого утешения. Дмитрий Николаевич нашел место в оркестре одного ночного клуба. Там он проводил многие часы, зарабатывая на жизнь своей семьи и пытаясь заглушить воспоминания о потерянной родине, пропавших друзьях и всей своей прошлой жизни.

Анна Тихоновна опять забеременела, и в положенный срок родились близнецы, Андрей и Александр.

Моя свекровь часто вспоминало о жизни в Эстонии. Анна Тихоновна и Дмитрий Николаевич были молоды, любили друг друга и слепо верили в то, что скоро, очень скоро они все вернутся в Россию и заживут по-старому. Они не понимали (или не хотели понимать), какие глубокие и необратимые перемены происходили в их стране. «Конечно же, люди одумаются!» — считали они.

Но люди не одумались.

А потом произошла трагедия. Вспыхнули эпидемии дифтерии и скарлатины. Пытаясь остановить распространение болезней, эстонские власти потребовали, чтобы всех больных детей доставляли в больницы. Маленькой Елене было семь лет, она заболела и попала в больницу. Там она умерла на руках матери в канун Рождества.

Александр, которому тогда было пять лет, хорошо помнил, как его эlegantный, веселый, жизнерадостный отец громко рыдал под украшенной рождественской елкой. Александр и сам был болен, но его не отправили в больницу, а оставили дома, скрывая его болезнь от властей. Тревога о его здоровье несколько притупила силу удара. Он выжил. Оба брата, Андрей и Александр, всегда помнили о том, как узнали о смерти сестры, и ее смерть в их памяти навсегда осталась связанной с праздником Рождества — наряженная елка, свечи и рядом с ними — слезы отца, его горе и отчаяние. Эта потеря навсегда изменила жизнь братьев. Только что сестра играла с ними, как с куклами, и вдруг неожиданно, необъяснимо ее не стало, и вся семья погрузилась в глубокое горе.

Когда я впервые встретила свою будущей свекровью, первое, о чем она мне поведала, была смерть Елены, которая умерла на ее руках от сильного кровотечения. Анна Тихоновна показала мне ее доконы, которые пришлось состричь во время болезни, и которые она хранила всю жизнь. Она хранила и несколько игрушек и разные памятные вещицы, оставшиеся от короткой жизни ее дочери. Тогда-то я и поняла, что Анна Тихоновна нашла во мне женщину, которая была готова выслушать ее и понять то, что она пережила. Разделяя со мной свое горе, она принимала меня в свое сердце и благословляла любовь, соединявшую ее сына и меня. До сего дня я помню силу ее горя. Елена умерла за четырнадцать лет до нашего знакомства, но боль и скорбь Анны Тихоновны были так же остры и живы, как если бы она потеряла дочь только вчера.

Анна Тихоновна

Моя свекровь была сильной женщиной, «grande dame», как называл ее мой отец. Она была высокая, привлекательная, живая и всегда следила за своей внешностью. Она безупречно одевалась и, несмотря на весьма ограниченные средства, всегда умудрялась носить самую «подходящую» шляпку с пером или цветком под самым «подходящим» углом. Всегда с прямой спиной, элегантная, грациозная, Анна Тихоновна была гордой, уверенной в себе и импульсивной, и жить рядом с ней не всегда было легко.

Много лет спустя, когда мы с Александром уже жили в Нью-Йорке с нашими тремя детьми, Анна Тихоновна приехала нас навестить и заявила громким, ясным голосом, что она не собирается просто сидеть и смотреть на нас. В Нью-Йорке у нее была миссия! Она должна была связаться с Русским детским фондом, организацией, помогавшей нуждавшимся русским детям за границей. В Париже она работала в благотворительных организациях, оказывавших содействие русским эмигрантам, и была одним из самых активных деятелей на этом поприще. Наши дети ее обожали, а она—их, но ей было важно сохранять свое независимое положение.

Пока сыновья Анны Тихоновны были еще детьми, она работала гувернанткой, уборщицей, сиделкой, компаньонкой, чтобы обеспечивать своей семье более или менее нормальную жизнь. Дмитрию Николаевичу было очень трудно найти работу, поэтому зарабатывать деньги приходилось Анне Тихоновне.

Во всех заботах и трудностях того времени одно оставалось непоколебимым — вера Анны Тихоновны в Бога и верность Церкви и церковной жизни. Каждодневная жизнь шла согласно церковному календарю. Службы не пропускались, все праздники отмечались, посты соблюдались. Вера Анны Тихоновны была сильной, но не фанатичной, и участие в церковной жизни было органической частью жизни семейной. «Мальчики, не забудьте зажечь лампаду до ухода в церковь...»

Дмитрий Николаевич не был воспитан в таком же благочестии, как Анна Тихоновна, но он уважал приверженность жены Церкви и всегда участвовал в этой жизни, хотя и по—своему. В церковь он приходил с большим опозданием и всегда шутил: «Ах, опять опоздал к Часам!». Во дворе собора св. Александра Невского на рю Дарю Дмитрий Николаевич встречался с многочисленными друзьями и сразу становился центром большой компании эмигрантов, всегда радовавшихся встрече с ним.

Андрей очень рано, еще подростком, увлекся русскими эмигрантскими делами, в центре которых стояла одна цель — вернуться в родную Россию. Александр же больше интересовался Церковью и ее верой. Он любил ходить в церковь, прекрасно знал службы. Но что гораздо важнее — в его душе зарождалась личная связь с Богом. Это был нелегкий период его жизни. Временами его охватывало чувство вины, он погружался в темноту, потом это сменялось ощущением невыносимо яркого света. А в центре этих борений жило ясное и твердое желание подняться на высший уровень духовной жизни, достичь святости. Мать Александра не понимала его мучений и называла их «Сашиними трудностями»: «Почему ты не можешь просто молиться и ходить в церковь, как все? К чему вся эта интеллигентщина?» Ей было проще понять желание Андрея ездить верхом, так как он хотел, когда вырастет, стать блестящим русским офицером в нарядном мундире с эполетами, орденами и т. п., и все это для того, чтобы служить царю и вернуться в матушку—Россию.

Белград

Почему Белград? Рассказав вкратце об Анне Тихоновне, я хочу вернуться к последним дням семьи Шмеманов в Таллинне и началу следующего за тем периода в жизни Александра.

Живя в Эстонии и оплакивая свою маленькую дочь, Анна Тихоновна узнала, что ее собственная семья сумела уехать из России и добраться до Сербии. Она связалась с ними и решила к ним поехать. Дмитрий Николаевич не мог ее сопровождать: его мать умирала, отец был стар и немощен, пять сестер нуждались в его поддержке. И Анна Тихоновна отправилась в трудный путь одна со своими близнецами. Для сыновей она превратила путешествие в увлекательное приключение. Они чувствовали себя в полной безопасности рядом со своей матерью, которая развлекала их и играла с ними на станциях в бесконечном ожидании поездов, автобусов и любых средств передвижения, могущих довезти их до Белграда.

Наконец путешествие закончилось, и их встретила любящая, теплая семья. В России Шишковы были крепкой, провинциальной дворянской семьей. Тихон Андреевич был директором банка в Костроме. Семья сильно отличалась от городского, утонченного семейства Шмеманов. Как я уже писала, один из сыновей Шишковых погиб на войне, другой был ранен (и благодаря ранению он остался в живых). Самый младший, Александр, был слишком молод, чтобы воевать. Двое оставшихся в живых братьев и младшая сестра, Ольга, были простые, веселые и сердечные. И Анна Тихоновна с облегчением смогла переложить свои тяжкие заботы и переживания — эмиграция, смерть дочери, неясность будущего и т. п. — на сильные плечи своего отца. У Александра сохранились только отрывочные воспоминания о жизни с бабушкой и дедушкой в Белграде, но он хорошо помнил уютную, беззаботную и радостную атмосферу в семье. В центре их жизни стояла Церковь. Вся семья посещала все службы, соблюдала все посты и ежедневно вместе молилась. Прошел год.

Александр всегда помнил тот день, когда приехал его отец. В то время найти работу в Белграде было легко. Город был полон русских эмигрантов. Но для Дмитрия Николаевича белградская жизнь была безнадежно провинциальной, некультурной, прозаичной. Он хотел воссоединиться со своей семьей в Париже, куда они переехали из Эстонии. И вскоре после своего приезда в Белград Дмитрий Николаевич перевез жену и детей в Париж.

Париж

Париж был наводнен русскими эмигрантами. Для своего изгнания Париж выбрали в основном культурные и образованные люди. Они говорили на прекрасном французском языке, но очень немногие имели профессию, позволяющую найти хорошую работу. Для огромного числа появившихся на Западе русских изгнанников был создан Нансеновский паспорт. Я до сих пор храню свой, где в графе «подданство» мы писали — «нет». Жизнь в Париже того времени легко может стать темой целой книги, но я буду писать только о жизни Александра и его окружения.

Воспитание • Образование • Юные годы

Приехав из Белграда, Дмитрий Николаевич, Анна Тихоновна и мальчики, которым к тому времени было уже по девять лет, поначалу поселились в крошечной квартирке сестры Дмитрия Николаевича, где Андрей и Александр спали на дне большого шкафа. Александр вспоминал это время как непрекращающееся приключение. Его родители постоянно искали работу и ради хлеба насущного то убирали квартиры, то нанимались на заправочные станции. Но настроение у русских парижан было

беззаботным, все старались заработать деньги на еду и не думать об остальном. Благодаря помощи богатых иностранцев появились социальные центры, где можно было получить медицинскую помощь, одежду и даже иногда еду (последнюю присылал Американский Красный Крест). Эта помощь воспринималась как дар Божий. Я до сих пор помню запах только что открытой банки какао или клубничного варенья (ни то, ни другое на эмигрантские деньги купить было невозможно).

По приезду в Париж братьев записали во французскую школу. По причине незнания языка их поместили в детский сад, несмотря на их возраст и рост. В первый же день братья решили сбежать отсюда и каким-то образом смогли найти дорогу домой, где им пришлось ждать, сидя на тротуаре, возвращения родителей. Александр не помнил, что последовало за их поступком, но вскоре после этого их отправили в недавно открытый неподалеку от Версаля русский кадетский корпус. С бритыми головами, в формах защитного цвета, мальчики воспитывались в строгой военной дисциплине и регулярно ходили в церковь. Занятия состояли в основном из уроков по русской истории и Закону Божьему, но некоторое время уделялось также математике, научным дисциплинам и французскому языку. Главный же упор делался на изучении всего, относящегося к России. Долг каждого русского патриота — принести присягу русскому знамени и спасти русскую землю от врагов-большевиков. Эта благородная цель поддерживалась идеей служения как жертвы, любви и верности делу и уверенностью в триумфальном возвращении в Россию. Воображение мальчиков рисовало им героические поступки и акты самопожертвования. В те годы зарождалась близкая дружба, сохранявшаяся долгие годы. Александр, тогда десятилетний, привлек внимание директора корпуса, генерала Римского-Корсакова, образованного, доброго и умного пожилого человека. Он любил поэзию и часто приглашал Александра в свой кабинет, где читал ему стихи Пушкина, Тютчева и других русских поэтов, рассказывал о старой, настоящей России. Ему обязан был Александр своей любовью к чтению и к русской литературе, да и шире — к литературе вообще. Генерал знал и историю религиозной мысли. Он открыл Александру красоту и богатство мира, превосходящего воспоминания о потерянной России. Самое же важное — Александр научился любить жизнь во всех ее проявлениях и в любых обстоятельствах. До конца своих дней он был благодарен старому генералу за то, что тот открыл ему широкие горизонты жизни и культуры.

Генерал Римский-Корсаков умер через четыре года после поступления Александра и Андрея в корпус. Александр часто вспоминал и рассказывал о нем и о его смерти. Старшим мальчикам поручили перенести тело генерала из его комнаты в церковь. Им нужно было пройти узким коридором, и тело генерала, очень тяжелое и уже начавшее пахнуть, неловко висело на руках мальчиков. Александр, исполненный любви и горя, впервые в жизни лицом к лицу столкнулся с ужасом и уродством смерти. Он был кадетом и потому прятал свое горе за показным мужеством, что было совсем не в его характере. Он часто рассказывал мне о том ударе, который нанесла его вере и мировоззрению эта первая встреча со смертью, и о том, какие огромные усилия пришлось приложить, чтобы за уродством смерти увидеть реальность и красоту Царства Божия.

В конце этого же года Александр, очень взрослый для своих четырнадцати лет, уговорил родителей разрешить ему уйти из корпуса и поступить в известный французский лицей Карно в Париже. Он понял, насколько неудовлетворительно было образование, предлагавшееся в кадетском корпусе. Александр сам записался на вступительный экзамен и несколько не был удивлен, когда его поместили в класс на два уровня ниже того, на котором он находился в корпусе. «Слава Богу, что они вообще меня приняли!» — сказал он родителям.

(Несколько слов о французской школьной системе. Года обучения считались наоборот, то есть ребенок шел в двенадцатый класс, а заканчивал первый, после чего сдавал экзамен на первый

бакалавриат¹. Программа включала курсы французского языка, математики, научных дисциплин, иностранного языка, истории, географии и, на выбор, греческого или латыни. На следующий год сдавали второй, окончательный бакалавриат, либо по философии, либо по высшей математике. Для первого требовалось прослушать курсы не только по философии (психологии, истории философии, этике, метафизике), но и по биологии, физике, химии и общей географии. Этот последний бакалавриат давал возможность поступить в высшее учебное заведение.)

К Рождеству Александр уже был первым в классе по французской литературе и сочинению. Он с жадностью читал Вольтера, Расина, современных авторов и любимого своего поэта Верлена. Прочувшись в лицее четыре года, он сдал первый бакалавриат. На следующий год он перешел в русскую гимназию и сдал второй бакалавриат, по философии.

Все годы учения в лицее и гимназии Александр жил дома и не пропустил ни одной церковной службы в соборе св. Александра Невского. Дорога от дома до собора, где он начал сначала прислуживать в качестве алтарника, потом чтеца, а затем и иподиакона, занимала один час пешком. В те годы он вел дневник, в котором писал о своем стремлении к святости, своем борении с искушениями, перечислял прочитанные книги (в своем юном возрасте он читал очень серьезные книги) и упоминал о первых встречах с девушками («Она посмотрела на меня!..»).

Андрей же, увлеченный Россией, продолжал учиться в кадетском корпусе, ничего лучшего для себя не желая, чем бороться и умереть, если надо, за родную страну. Главным для него было сохранять верность России. В 2005 году, в восьмидесятитрехлетнем возрасте, его верность была вознаграждена: президент Путин лично вручил ему русский паспорт. И в его долгой жизни это первое и единственное гражданство, которое он имел, тогда как у всей его семьи были французские паспорта. Андрей оставался эмигрантом без гражданства до тех пор, пока не появилась возможность официально принести присягу на верность своей единственной любви — России.

Итак, Александр учился в лицее Карно, и у него была только одна настоящая трудность — у него не было спортивных туфель! Каждую неделю он выдумывал новый предлог, чтобы не идти на урок гимнастики. То он говорил, что потерял туфли, то — что забыл их дома, и т. д. Но дело было в том, что в семье не было денег на покупку спортивных туфель. Приобретение одной пары обуви в год уже представляло из себя огромную нагрузку на семейный бюджет. Носки штопали по многу раз, воротнички выворачивали наизнанку, чтобы дать им вторую жизнь.

Все эмигранты так жили, зарабатывая лишь на полунищенское существование, но никому не приходило в голову жаловаться — ни Александру в его лицее, ни мне в моей школе (я жила в пансионе коллежа св. Марии). Помню, как на большой перемене приносили нам корзины со свежим хлебом и девочки ели его с принесенным из дома шоколадом, а я часто делала вид, что у меня тоже есть шоколад, и небрежно выбрасывала старые обертки от шоколадок. Я не хотела, чтобы меня жалели! Мне было одиннадцать лет, и я была гордой. Александр не был пансионером, он просто ходил на уроки, а потом возвращался к себе домой и в церковь. Он даже не помнил имена своих одноклассников, но прекрасно помнил о том, какие широкие горизонты открывались перед ним на уроках. Во французских школах последние четыре года перед бакалавриатом — самые главные, в это время учили думать, писать, формулировать. Расплывчатые понятия и идеи, поспешные обобщения просто не допускались. Нужно было точно знать, о чем пишешь, и писать хорошо. Французское образование было безличным и холодным, но очень эффективным.

¹ Бакалавриат во Франции — это и свидетельство об окончании средней школы,

Семейная жизнь

Несколько слов о жизни семьи Шмеманов в эти годы. Дмитрий Николаевич наконец—то осознал и признал, что большевики укрепились в России надолго. Он потерял все, что до этого считал своей жизнью, и теперь переживал глубокий кризис. «Мы должны выучить наших мальчиков на механиков, научить их ремеслу, сделать из них хороших рабочих, способных зарабатывать деньги, без лишних мечтаний и без ненужной культуры, которой на жизнь не заработаешь».

Анна Тихоновна работала не покладая рук, чтобы оплачивать счета и обеспечивать семье самое необходимое для жизни. Даже в то трудное время она умела достать специальные угощения для сыновей, которых навещала в корпусе раз в неделю. По воспоминаниям Александра, любимым угощением была салями. И потом в течение всей жизни, когда Александру случалось есть салями, он всегда вспоминал мать и говорил: «Нет, эта не так хороша, как салями, которую приносила нам мама».

Верность Анны Тихоновны вере и Церкви были органичной частью ее личности. Дмитрий Николаевич же был вольнолюбивой натурой, церковность жены он находил очень трогательной и иногда даже поддразнивал ее, но в целом относился к ее вере с большим уважением. Он неизменно принимал участие во всех праздниках и помогал по мере сил — чистил столовое серебро, убирал квартиру, доставал и расставлял стаканы и бокалы, открывал вино заранее, чтобы оно «подышало» и достигло нужной температуры, шутил и развлекал гостей. «Анна, сделай перерыв и давай сыграем в четыре руки!» И она играла, пока доносившиеся с кухни запахи не заставляли ее вернуться к домашним делам. Когда я начала регулярно бывать в их доме, я была очень молода, впечатлена семьей Александра и поначалу очень стеснялась. И эта игра в четыре руки, такая музыкальная, живая, даже страстная, доставляла мне особую радость. Вот как я вошла в семью Александра!

А мальчики? В то время они были очень разными. Андрей все более увлекался идиллической полувоенной жизнью в кадетском корпусе, где он стал старостой школы. Все чаще он говорил о своем желании принять участие в освобождении России и необходимости готовиться к этому событию, вдохновлялся историей, легендами и мифами Святой Руси. Александр же выбрал совсем другой путь. Формирующие личность годы (с двенадцати по шестнадцать лет) он провел в занятиях и чтении, в поисках... чего?

Дневники Александра свидетельствуют о мучительных раздумьях о том, как далек он от святости, о вине, которую он испытывает из-за своих сомнений, искушений и отдалении от Бога. Он оплакивает отсутствие мира в душе и радуется редким минутам покоя и ясности. Он почти физически ощущал, как его тянуло в разные стороны.

Александр чувствовал, что окружающее его «благочестие», теплое и уютное, далеко отстояло от огня и истины Евангелия. Он не критиковал веру близких и даже испытывал вину за то, что судил о ней. Ему также претил упрощенный и безапелляционный подход, с которым эмигранты подходили к случившемуся в России. Обширное чтение помогло ему понять, что все не так ясно и бесспорно, как считали люди вокруг, и что историческую трезвость подменили страсти и предрассудки. И это тоже временами вызывало в нем чувство вины, поскольку до последнего своего вздоха он любил Россию, был в первую очередь русским — любил культуру, религиозную мысль, литературу. Его родным языком был русский, и он писал на нем легко и изящно. (Александр Солженицын поражался, что человек, выросший вне России, умел писать с такой литературной «элегантностью».)

Тот дневник, который Александр вел в те годы, мне кажется драгоценным. Его строки полны любовью к Богу и сознанием собственного недостойнства. «Почему я такой плохой?» Он страдал от

понимания того расстояния, которое отделяло его от святости. День за днем Александр записывал свои самые сокровенные мысли, перечислял книги, которые он читал. Все больше привлекали его книги по богословию, но он читал и философов, и поэзию, которую всегда очень любил. В этом же дневнике можно найти его неуклюжие попытки писать собственные стихи. В дневнике он пишет и о знакомствах с девочками, но большая часть его все же посвящена мыслям, стремлениям, жизненным ситуациям и оценке прочитанного.

В это время Александр пережил самую черную полосу в своей жизни. Ему должны были удалить аппендикс, развился перитонит, от которого он чуть не умер. Он погрузился в страх, отчаяние, чувство полного одиночества и богооставленности. И через много лет Александр вспоминал об этом с грустью и жалостью к тому мальчику, каким он тогда был.

Лотерея

Однажды, весной 1939 года, Дмитрий Николаевич вернулся с работы домой и сказал жене: «Случилось кое-что удивительное. Ты лучше сядь...», — и вынул из кармана мятый лотерейный билет (он покупал эти билеты каждую неделю и потом узнавал о розыгрыше лотереи в газете). «Смотри, проверь номера...» Это был номер главного приза! Шмеманы выиграли сороковую часть приза (билеты были довольно дорогими и обычно покупались вскладчину). Из выигрыша в пять миллионов франков они получили сто двадцать пять тысяч — в то время целое состояние! Шмеманы сразу же раздали все долги, подарили по курице всем друзьям и родственникам и купили новые ботинки и новые пальто — прекрасные двубортные пальто, с поясом, бежевое для Александра, коричневое для Андрея, первые новые пальто в их жизни. (Во время немецкой оккупации моя мать сшила из пальто Александра два пальто для наших детей, Анны и Сергея, и они отправились в них на пароходе в Америку.)

И вот, в своих новых пальто, братья поехали вместе с родителями на длительные каникулы в Югославию.

Высоких, красивых семнадцатилетних юношей с восторгом встретили их юные кузины, девушки шестнадцати–семнадцати лет. И эти каникулы запомнились им надолго.

Июнь 1939 года • Война

Итак, вся семья отдыхала в Белграде. И в это время началась война с Германией. Все визы и документы для передвижения между странами были отменены. Шмеманы отчаянно пытались найти способ вернуться в Париж (хотя Анна Тихоновна предпочла бы остаться со своими родителями...). Они боялись, что окажутся отрезанными от Франции, но им повезло, и каким-то образом они получили разрешение на выезд и в декабре вернулись в Париж. Кадетский корпус закрылся. Андрей переехал жить домой, и оба брата поступили в русскую гимназию, чтобы подготовиться к сдаче второго бакалавриата. Жизнь в гимназии была более веселой, простой и дружной, чем во французском лицее. Там преподавали прекрасные профессора, например — профессор Владимир Васильевич Вейдле читал там философию. (Позже он стал нашим близким другом. Когда Владимир Васильевич приезжал в США для работы в архивах Музея искусств Метрополитен в Нью-Йорке, он останавливался у нас в Крествуде. Ему очень нравились мои жареные «картошечки», и за ужином он поражал нас своим глубоким знанием истории искусств, русской литературы и мировой культуры.) В гимназии у мальчиков появились друзья, дружба с которыми сохранилась на всю жизнь.

Иногда мальчикам хотелось отдохнуть от напряженных занятий или требовалось отвлечь внимание учителя, и тогда они просили Таню Лебедеву (ставшую впоследствии женой д-ра Струве: «Танюшка, упали в обморок!») Она послушно падала, и мальчики торжественно относили ее к медсестре, избегая таким образом конфликта с учителем. Дисциплина была не слишком строгой, атмосфера в школе из-за войны (поверьте мне!) — веселой и как бы беззаботной: имел значение только сегодняшний день, ведь никто не знал, что будет завтра. Александр завершил занятия и успешно сдал экзамен на второй, окончательный бакалавриат по философии. Теперь он был готов к поступлению в Св. — Сергиевский богословский институт. Он мечтал посвятить себя изучению богословия.

Тем временем жить становилось все труднее, несмотря даже на введение продуктовых карточек. За хлебом и картошкой (часто мороженой) выстраивались длинные очереди. Эти ежедневные заботы ложились в основном на плечи женщин. Молодежь же была беззаботной. Все ходили пешком, потому что в Париже с самого начала войны и во все время немецкой оккупации общественный транспорт не ходил. И молодые люди всеми возможными способами пытались обойти объявленный немцами комендантский час, танцевали ночи напролет и ели морковные пироги, запивая их странными безвкусными соками. Но никто не жаловался. Мы были молоды!

Встреча

Почему я говорю «мы»? Сейчас расскажу. Сдав экзамен на второй бакалавриат, Александр решил сразу же начать пятилетнее обучение в Св. — Сергиевском богословском институте и потому пришел в институтскую церковь на молебен по случаю начала нового учебного года. Я тоже была в это время в церкви, потому что навещала своего дядю, Михаила Михайловича Осоргина, одного из основателей института, преподававшего там церковную музыку. Мы встретились на ступеньках лестницы, ведущей к церковным дверям, в день памяти преп. Сергия, 8 октября 1940 года. Александр поздоровался со мной (ему было девятнадцать лет и один месяц, мне — семнадцать и два дня!) и сказал неожиданно: «Здравствуйте! Я буду здесь учиться, но я не собираюсь становиться монахом». После службы в квартире моего дяди вместе с другими родственниками мы вместе пили «чай» (напиток военного времени, не настоящий чай, а нечто коричневатое и безвкусное). В тот же вечер Александр сказал одной из моих кузин: «Сегодня я встретил мою будущую жену».

Моя семья

Я прерву свой рассказ для того, чтобы рассказать и о своей семье. Ведь после той судьбоносной встречи на лестнице церкви Св. — Сергиевского института мы провели вместе сорок три года, пока 13 декабря 1983 года Александр не оставил нас, чтобы пребывать «в месте светле, в месте злачне, в месте покойне, отнюдуже отбеже болезнь, печаль и воздыхание».

Итак, моя семья. Мои родители приходились друг другу кузенами, их матери, Елизавета и Марина Трубецкие, были родными сестрами. Елизавета вышла замуж за Михаила Осоргина, Марина — за Николая Гагарина. Мой отец, Сергей Осоргин, большую часть своей молодости провел в России, в прекрасном семейном имении на реке Оке, любимом Сергиевском, живя полнокровной церковной жизнью в окружении любящей семьи на лоне великолепной природы. (Истории этого имения посвятил свою книгу «Эхо родной земли» мой сын Сергей, он сумел очень точно передать дух моей семьи.) У моего отца было два брата, старший Михаил (которого я уже упоминала выше) и младший Георгий, и четыре сестры — Иулиания, София, Мария и Антонина, все очень музыкальные, любящие и привязанные к семье. Георгий

был расстрелян большевиками на Соловках, где его имя вспоминается до сих пор . Мой отец, Сергей Михайлович Осоргин, изучал биологию в Московском университете, но война прервала его занятия. Он поступил на ускоренные офицерские курсы и воевал в составе полка, известного как «Бессмертные гусары». Я подозреваю, что мой дорогой отец выбрал этот полк из-за его романтического названия, а также потому, что был прекрасным наездником. Мой отец был романтиком, мечтателем и оставался таким всю свою жизнь. После серьезного ранения на поле боя и отправки домой для выздоровления он сделал предложение своей двоюродной сестре Соне Гагариной, которую знал и любил с детства.

В воспоминаниях, написанных моим отцом для его детей и внуков, он описывает свое детство в семейном имении, где он с братьями, сестрами и многочисленными родственниками и друзьями жил круглый год среди природы, регулярно ходил в церковь, был окружен семьей, музыкой и, самое важное, любовью. Каждое время года встречали с радостным предвкушением — первого снега, первого цветка, пробивающегося сквозь тающий снег, ледохода на Оке... В прекрасной церкви в парке имения отмечались все дни памяти святых, а также и главные события сельскохозяйственного года, связанные с разными традициями и приметами, — посевной, началом жатвы, сбором фруктов и других плодов земли.

Рыбалка на заре, поиски червей в ночной темноте, шорохи, запахи, звонкий птичий гомон, — все это было неотъемлемой частью жизни моего отца. Всем этим, как и многим другим, он делился со мной, пока я росла, пробудив во мне большую любовь к нему, желание его защищать и беречь. Неотъемлемой частью самого его существа была и Церковь. Он не произносил громких слов, не заявлял вслух о своей вере, он просто всецело ей принадлежал. В храме он всегда читал, пел, руководил хором. Он знал наизусть слова каждого песнопения всех праздников церковного года. «Слушай и смотри, Льяна, сегодня мы будем петь (или читать, или услышим)...» И праздник был для меня освещен радостным ожиданием.

Мой отец, сталкивавшийся с огромными трудностями в своей эмигрантской жизни — с безработицей, полным отсутствием денег и т. п., никогда не переставал надеяться, не переставал радоваться жизни и благодарить за нее. Эта радость «переливалась через край» и заражала окружающих. Он был абсолютно прозрачным человеком. Он прекрасно знал русскую литературу и перечитывал любимые книги по несколько раз. Никогда не был он строгим, а всегда излучал любовь. Когда я рожала своего третьего ребенка (дома, конечно), то не могли вовремя найти акушерку. Я очень хорошо помню, как мой отец, сидя рядом со мной на кровати, сказал: «Не волнуйся, я могу помочь тебе не хуже, а то и лучше всякой акушерки. Положись на меня!» Я так и сделала.

У меня была особая связь с отцом, и до сегодняшнего дня я чувствую его любовь. И я благодарна ему за то сокровище, которое он мне оставил, — свое видение жизни, свою любовь к природе, свою принадлежность к Церкви. В своих воспоминаниях, говоря об осени, он писал: «Мы не только жили среди природы, мы, деревенские жители, были природой, заодно с природой, неразделимы». И дальше: «Я верю, что у каждого в тайниках души есть свое Сергиевское... Это тот потерянный земной рай, о котором мечтаешь, воображая, что стоит в него попасть — и вот оно, счастье!» Я бесконечно благодарна моему сыну Сереже за то, что он рассказал историю дедушкиного имения в своей книге. Для меня Сергиевское означает связь с отцом, моими корнями, наполненное любовью место в сердце, которое ничто не может смутить. И, наконец, я пожелала бы каждому испытать то Присутствие Божие, которое ощущалось в моем отце, этот постоянный огонь Присутствия.

Моя мать, Софья Гагарина, была старшей из шести детей. Двое из них умерли. Одного, двухлетнего Виктора, очаровательного белокурого ангела, мама хорошо помнила, хотя резче всего врезалось ей в память горе ее матери. Другая, Татьяна, умерла в возрасте семи лет в результате осложнения после удаления аппендикса, когда вся семья отдыхала в Биарице, во Франции. Моей маме

было тогда десять лет, и она была потрясена и глубоко опечалена этой смертью, особенно после того, как ее гувернантка рассказала ей в подробностях, как тело сестры будет съедено в земле червями и как должна радоваться моя мама, что, по крайней мере, душа ее дочери пребывает с Господом. (Я до сих пор поражаюсь такой жестокости!) Моя мать боготворила своих родителей — красивую, нежную, ласковую мать и сильного, энергичного, бурного и талантливого красавца-отца. Отец ее хотел, чтобы его жена была блестящей светской дамой, в то время как она была счастлива дома, с детьми, музыкой и мирной жизнью.

С раннего детства Софья была очень близка со своими тремя сестрами и кузенами и кузинами Осоргиными. Один из них, Сергей, и стал впоследствии ее мужем. Софья была уязвимой, скромной, часто грустила, мучилась сомнениями и находила опору во внутренней силе своего мужа. Она не нуждалась в людях, в друзьях. Она не была особенно популярна среди своих современников, которые считали ее высокомерной, в то время как она была застенчивой и неуверенной в себе. Иногда на ее пути встречался человек, способный разглядеть богатую культуру и тонкость ее натуры, и тогда начинались разговоры, вопросы и споры о жизни и ее смысле, а мой отец под эти разговоры мирно засыпал над книгой.

Для нас, детей, она всегда находилась на том пьедестале, на который ее раз и навсегда поднял муж, никогда не переставая ее обожать и радуясь постоянно ее присутствию. Вести себя с ней следовало бережно. Она часто страдала мигренями, которые, как мне кажется, были на самом деле приступами депрессии, и неудивительно, ибо детство ее отнюдь не было безоблачным. Ее мать совсем молодой скончалась у нее на руках. В это же время отец ушел из семьи и женился на никому не известной женщине, от которой у него было двое сыновей. Моя мать никогда не имела никаких сношений с ними, а мы, дети, вообще ничего не знали о жизни дедушки. Мне эта история стала известна только тогда, когда у меня были уже свои дети! Всю свою жизнь моя мать с болью несла эти мучительные воспоминания.

Когда мой отец заболел, мама много лет ухаживала за ним и никогда не жаловалась. Все трое моих детей родились в доме моих родителей. Моя мать была прекрасной бабушкой, не жалея для внуков ни времени, ни любви, ни заботы. Она великолепно шила и вышивала, и у моих детей была прекрасная одежда, сделанная ее руками: платья с изящной вышивкой, дивные матросские костюмчики и даже зимние пальто. Она пережила моего отца на много лет и умерла в Нью-Йорке после нескольких инсультов. Моя младшая сестра, Соня Озерова, преданно ухаживала за ней все годы ее болезни.

Я с грустью вспоминаю маму. Она могла и должна была бы быть счастливее, если бы не многие раны, нанесенные ей жизнью, раны, оставившие в ее душе глубокие следы. Я уверена, что в Царстве Божием ее чистая душа, прожившая чистую жизнь, нашла мир и радость.

Мои родители поженились в Ялте 10 февраля 1918 года, прожили там два года и родили двоих детей. В это время в Крым приезжали самые разные люди, бежавшие от большевиков. С одними были семьи, с другими — мужья, некоторые женщины приехали одни со своими детьми. Общая судьба, общие испытания сплотили несчастных беженцев. Все они страдали, и больше всего — от отсутствия информации. Где красные, где белые? Где их мужья, сыновья, отцы, братья, сестры? И что будет дальше? Чего ожидать, к чему готовиться? Моему отцу пришлось прятаться, буквально играть в кошки-мышки с красными, которые, входя в Ялту, тут же начинали повсюду разыскивать оставшихся там белых офицеров. Женщинам и детям опасность не грозила, они преследовали только мужчин. Потом Красная армия отступала под натиском белых отрядов, а потом все повторялось сначала. Полный хаос!

Наконец мой отец с женой и двумя маленькими детьми, Михаилом и Мариной, погрузились на пароход, идущий в Константинополь. На том же пароходе в трюмах среди чемоданов и животных разместилось много семей. Среди них была одна, с пятью детьми, младший был на год старше моей

сестры Марины, и эти два ребенка лежали рядышком. Этот мальчик был Андрей Апраксин, который двадцать пять лет спустя стал Марининым мужем!

Из Константинополя моя семья в конце концов перебралась в Италию и некоторое время жила в Кастельгандольфо недалеко от Рима. (Дом, принадлежавший моей матери, был позже приобретен Ватиканом и превращен в одну из его летних резиденций.) Из Италии, связавшись с семьей моей матери в Германии, они переехали в Баден–Баден, знаменитый немецкий курорт, популярный в девятнадцатом столетии у богатых русских, куда Гагарины часто ездили до войны ради целительных минеральных вод. У Гагариных была там прекрасная вилла, с картиной Рембрандта, коллекцией редких кружев и ценными высокими напольными часами мастерской краснодеревщика Чарльза Андре Буле. И теперь вся семья матери собралась на этой вилле.

Вскоре по приезду в Баден–Баден моя мать родила третьего ребенка, девочку Иулианию — меня. Меня назвали в честь святой Иулиании, одной из предков Осоргиных (она приходится мне прапра(14 раз)бабушкой. Это была чудесная святая: богатая замужняя многодетная женщина, она не покладая рук трудилась, чтобы во время голода накормить и спасти как можно больше людей. Она была благочестива, скромна, любила людей и умела молиться. Ее муж был военным. Когда Иулиания попросила его отпустить ее в монастырь, он напомнил о брачных обетах, и она подчинилась. Св. Иулианию очень почитают в нашей семье, она — настоящая наша семейная святая. В 1931 г. св. мощи прав. Иулиании попали в Муромский музей, а в 1989 г. рака со св. мощами была возвращена Церкви и перенесена в муромский Благовещенский монастырь, где была поставлена перед иконой Николая Угодника. В 1993 г. она была перенесена в Николо–Набережную церковь. Там я недавно приложила к мощам нашей семейной святой. Меня очень тронуло, что прихожане радовались встрече со мной, Иулианией Осоргиной, которая любила нашу святую не меньше их самих.

В Германии

Итак, мои родные поселилась на вилле в Баден–Бадене, но денег в семье было очень мало. Они продали Рембрандта как раз перед обвалом 1923–1924 г. (гиперинфляция и обесценивание немецкой марки), так что вырученные деньги потеряли в одночасье свою стоимость. Тогда они продали коллекцию кружев и часы Буле, а деньги поделили между моей мамой и ее братьями и сестрами. Плохое вложение денег в плохое время! Я мало что помню из жизни в Баден–Бадене. Помню, как в трехлетнем возрасте сидела на рояле и пела под аккомпанемент моего отца. Немецкая песенка «Ach du lieber Augustine, Augustine, Augustine» («Ах, мой милый Августин...») до сих пор звучит в моих ушах как напоминание о блаженстве детства, об устремленных на меня глазах отца» полных обожания. (Шестьдесят лет спустя я приехала на эту виллу вместе с сыном и его семьей. И я узнала колонны, окружавшие поместье, и узкую дорогу к дому, но больше ничего.)

И... мы отправились во Францию, где уже поселились многие члены нашей семьи. Ехали мы на поезде, и я помню, как на одной из станций мой отец пошел за водой. Поезд двинулся — и я закричала и хотела спрыгнуть с поезда, чтобы спасти отца.

Во Франции мои родители сняли виллу в Вирофлей, недалеко от Версаля, называвшуюся «Les Lilas» («Сирень»). И действительно, там было много сиреневых кустов, в которых было удобно прятаться. Родители решили открыть пансион, с обедами и т. п. В посты гостям выставлялись счета, в которых масло и молоко, необходимые детям или кому–нибудь иному, обозначались буквой «м», чтобы даже не произносить этих слов вслух. Из Германии с нами приехали некие «мусью и мадам» (так их называли),

муж и жена армянского происхождения. Муж был поваром, любившим и умеющим готовить дорогие и изысканные блюда, а жена ему помогала и убирала дом. Жили они в маленьком уютном домике рядом с нашим и были в дружеских отношениях с моими родителями. Запахи их дома до сих пор живы в моей памяти и, встречаясь на моем пути, переносят меня в их жилище, куда меня отправляли ночевать, когда родители куда-нибудь уезжали: запахи готовящейся еды, чеснока, специй и духов мадам. Я храню эту память о тепле и уюте их дома.

Пансионеров было мало, но они хранили нам верность. Главное же—дом был открыт всем родственникам, которые проводили у нас дни и ночи (конечно, бесплатно и наслаждаясь роскошными обедами). Мой предприимчивый отец понимал, что должен как-то дополнять малый доход семьи, и пытался осуществлять различные проекты. Сначала он построил в саду коптильню для рыбы. Рано утром, пятичасовым поездом, он ехал в Париж, покупал свежую рыбу на Лез Аль, возвращался с мешком на спине, в котором извивались и безнадежно пытались выбраться наружу через дырку живые утри, и приступал к их копчению. Запах был ужасный, особенно страдала от него моя мать, у которой была аллергия на любую рыбу. Готовых угрей отец изящно упаковывал и продавал за гроши. Увы, это предприятие оказалось убыточным, и от него пришлось отказаться.

Потом мой отец установил огромную антенну в комнате, где мы, дети, обычно играли. Поворачивая ее, ему удавалось иногда ловить российское радио. Какое-то время он работал репортером в «Последних новостях», русской ежедневной газете в Париже. Это приносило очень мало денег, чаще всего вообще ничего, но для нас, детей, слышать голоса из России было невероятно интересно. Мы знали, что большевики и коммунисты—ведьмы, баба Яга, враги, зло. В раннем детстве я представляла себе их неграми с татуировкой и раскрашенными лицами, танцующими под глухой, страшный бой барабанов.

В конце концов, нам пришлось переехать. Плата за дом была нам не по карману, доходы у нас были ничтожными. «Мусью и мадам» уехали, мебель упаковали, и мы перебрались в Кламар, пригород Парижа, расположенный около великолепного леса. Именно там я провела свое детство и юность. В Кламаре уже жили многие наши родственники и друзья, и центром жизни русской общины была маленькая деревянная церковь, по сей день там сохранившаяся. Священником был мой дедушка, хором, в котором пели мои родители, тети и дяди (понемному присоединялись и мы, дети), руководил мой отец. Именно в этом приходе я впервые испытала радость церковных праздников, литургии, Великого поста, первой исповеди, Святого Причастия, — радость жизни в Церкви.

И опять мой отец попытался работать на дому. На этот раз он соорудил большой ткацкий станок. Он ткал удивительно красивые шарфы, используя разные материалы, разные сочетания цветов и оригинальных рисунков. Но доход опять был мизерным. (В связи с этим вспоминаю о вещах с биркой «Сделано в Китае»: прекрасные изделия, в которые вложены многие часы труда и которые продаются за гроши.)

Наконец мой отец отказался от идеи домашнего предпринимательства и нашел работу! Его взяли в магазин автомобильных запчастей на должность помощника управляющего. Мой отец был аккуратным, умным, честным и каким-то чудом оказался человеком, идеально подходящим для этой работы, до этого времени ему совершенно чуждой. Коллеги его любили, и он наконец-то начал регулярно приносить домой жалованье, что было, конечно, большим подспорьем для семьи. Расскажу об одном забавном случае. Один раз на Светлой неделе отец решил принести на службу кулич и пасху. Когда он предложил своей секретарше отвезти творожную массу, она воскликнула с типично парижской прямоотой: «Mais, Monsieur Osorguine, c'est abominable!» .

В предрождественские дни к нам всегда приходила тетя Мария, младшая, незамужняя сестра отца, чтобы вместе с нами делать елочные украшения. У нее был просто настоящий талант! Разноцветные фонарики, ангелы, фрукты, овощи и клоуны, которые мы мастерили вместе с ней, вешались на елку вместе с золотыми гирляндами, яблоками и мандаринами, аккуратно обвязанными красными ленточками. Все эти приготовления, запахи свежего клея и свежесрубленной елки, предвкушение праздника и подарков создавали волшебное ощущение счастья и безопасного покоя и мира. Наступал день Рождества Христова, мы все шли в церковь, а потом дети должны были ждать в соседней комнате, пока что-то таинственное происходило за закрытыми дверями. И вот свечи на елке зажигали в первый раз, двери открывали, и мы видели...

Как описать мое восхитительное, окруженное любовью детство? Ничто — ни бедность, ни невозможность заплатить за квартиру, ни единственная пара неудобных башмаков в год — никогда не омрачало счастье и незыблемость жизни нашей семьи. Моя мать не обращала на трудности никакого внимания, и ей было достаточно слов моего отца «обопрись на меня». Сама она никогда не работала (да и не смогла бы), но она стряпала, убирала, занималась детьми и всегда поддерживала моего отца, который всю жизнь ее боготворил.

Мой отец поменял работу. Теперь он стал администратором в компании, производившей апельсиновый и лимонный соки, и служил там много лет, пока долгая борьба с эмфиземой не заставила его оставить работу. К этому времени я уже вышла замуж и регулярно приезжала домой рожать детей: все трое родились в доме моих родителей. Мой старший брат Михаил и сестра Марина, пока не обзаведясь собственными семьями, жили дома и обеспечивали родителей. Моя младшая сестра Соня еще училась в школе.

Во всех трудностях сила семейной жизни и непоколебимый оптимизм моего отца брали верх, и у нас была очень счастливая, хотя и нищая, жизнь. И когда я пишу «нищая», я имею в виду такую бедность, какую никто в сегодняшней Америке и представить не может. Тем не менее, отец твердо считал, что, несмотря на бедность, его дети должны получить хорошее образование. Я вспоминаю, как в возрасте десяти лет меня представили грозной директрисе коллежа св. Марии, лучшей частной школы в Нейи. Мой отец, как всегда — безупречный джентльмен, попросил для своей дочери полную стипендию — и получил ее! И вот, в день своего одиннадцатилетия, я покинула тесный круг семьи и переехала в школу, плохо подготовленная академически, испуганная, одинокая. Я тосковала по дому и плакала ночи напролет, запершись в туалете. Но я «получала образование»!

И какое образование! В школе поддерживалась очень строгая дисциплина. Это была католическая школа, каждый вечер мы присутствовали на вечернем богослужении, но в то же время учителя придерживались широких взглядов. От нас требовали очень много, и каждый день приходилось бороться за то, чтобы не отстать от других. Но я была очень гордой девочкой.

Несколько слов о коллеже св. Марии, первой возникшей во Франции серьезной школе для девочек. Директриса, Мадлен Даниэлу, была основательницей Сестричества св. Франсуа Ксавье, покровителя миссионеров. Она была замужем, имела много детей, ее муж играл значительную роль в политике. Ей первой среди французских женщин удалось получить *agrégation*, докторскую степень, высшее академическое достижение. Она была плодовитой писательницей, посвятившей всю свою жизнь образованию девочек.

Академическая программа была укоренена в церковной жизни, вере и культуре. Я помню некоторые слова директрисы, обращенные к нам, юным ученицам (говорила она очень серьезно, без тени экзальтации): «...если при виде прекрасного заката вам на глаза наворачиваются слезы и ваши эмоции обращают вас к Богу — этого недостаточно»; «...быть святым — значит служить, смиряться и учиться». Она никогда не опускалась до морализаторства, никогда не говорила о страхе перед потусторонним миром и не прибегала к внешней оценке достижений. Когда она говорила о Боге, то делала Его присутствие реальным, огромным, охватывающим всю жизнь, все ее стороны.

Каждый день мы участвовали в мессах и вечернях. Очень рано я почувствовала себя обделенной, так как не могла приступать к Причастию. Я буквально испытывала голод и жажду вперемешку с острым чувством верности моему собственному Православию. И я думала: откуда, зачем это разделение? Ведь они такие же христиане, как и мы! Это мучило меня все школьные годы и значительно углубило мою тягу к Причастию, объединяющему меня со всеми христианами. Невозможность полного участия в мессе заставила меня осознать трагедию разделения христиан, и эта ситуация беспокоит меня и сегодня.

Академическая программа была очень сложной, нам приходилось много и серьезно заниматься. Выполненное задание могли вернуть только потому, что края текста не были идеально выровнены. нас учили быть предельно конкретными в своих аргументах, любые обобщения подвергались критике: «Вы говорите, что они находились под влиянием X.? Докажите это! Приведите источники, продемонстрируйте свою логику, покажите развитие мысли в точных, правильно построенных фразах!» Не принимались и не допускались ни сокращения, ни упрощения. Именно в школе я выучила все, что знаю о французской литературе и истории. И эти знания позволили мне сорок лет преподавать французский язык в Америке.

Почти каждые выходные я проводила в другом моем мире — дома, после чего возвращалась к школьным будням. Я научилась приспособливаться к этой двойной жизни. Дома у меня были церковь, родители, братья и сестры. Церковь была для меня уютным, теплым, добрым домом, сладко пахнущим ладаном. Моя вера была простой, чистой и безусловной. В школе же я узнавала о вселенском смысле христианства, и за это я перед школой в неоплатном долгу.

В школе у меня появились друзья, но я часто отставала в учебе, робела и терялась. Я была на год младше своих одноклассниц и привыкла к тому, что меня защищали моя церковь, мое русское окружение и мой любящий отец. И вдруг, когда мне минуло пятнадцать лет, все изменилось. Суровое школьное воспитание принесло плоды: я стала (или, по крайней мере, старалась стать) хорошей ученицей, разумной, думающей, счастливой и уверенной в себе. И вскоре я встретила с Александром.

Я удачно сдала письменные и устные экзамены на свой первый бакалавриат — французский язык, историю, географию, математику, немецкий язык, латынь, греческий, физику, химию. Я была на год младше, а Александр на год старше своих одноклассников, так как потерял год при переходе из кадетского корпуса в лицей, и мы держали экзамены одновременно. Совершенно случайно мы встретились на улице около Сорбонны после устных экзаменов и, радуясь окончанию школы, перекинулись несколькими словами. И все! Была весна 1939 года. Моя семья уехала в Нормандию, в Гэанвиль, на летние каникулы. И вдруг разразилась война!

Первый год войны мы провели в Гэанвиле, отрезанные от отца, который вернулся в Париж на работу. Мой брат нанялся на соседнюю ферму, и, благодаря ему, мы имели десять франков в день, а иногда яйца или молоко. Меня и мою старшую сестру Марину взяла на работу местная приходская школа. Многие беженцы записали своих детей в эту школу, так как была большая нужда в учителях. Мы, неопытные девушки, преподавали как могли и что могли, и за это нас кормили бесплатным обедом и платили маленькое жалованье, а наша младшая сестра получила возможность учиться в этой же школе.

Мне нужно было готовиться ко второму бакалавриату, по философии, то есть к экзаменам по психологии, метафизике, истории философии, этике, логике, биологии и анатомии и общей географии. Но в Гэанвиле не было учителей, с которыми я могла бы заниматься на этом уровне! Мой коллеж св. Марии прислал мне программу заочного обучения по всем предметам, кроме философии. Я начала искать кого-нибудь в городе, кто мог бы мне помочь, и нашла двух помощников — университетского профессора на пенсии и прекрасно образованного старенького кюре (приходского священника). У профессора была огромная библиотека, он давал мне бесценные советы и всячески меня поддерживал. Кюре принимал меня два раза в неделю и помогал мне усваивать материал из философских книг, присланных мне из коллежа. На конце его длинного носа всегда висела капля, которую он никогда не вытирал, говорил он монотонно, не делая никаких попыток пробудить мой интерес, но он прекрасно объяснял сложный курс, полный мелких деталей и другой необходимой информации (имена, даты и т. д.). Однако довольно скоро он уехал из Ганвиля, и мне пришлось заниматься самой. Библиотека старого профессора, его пояснения и мое страстное желание получить второй бакалавриат помогли мне преодолеть все трудности. Весной 1940 года, одна, в возрасте шестнадцати лет, я отправилась на попутках (никакого транспорта тогда не было, только иногда встречались грузовики) в город Кутане, в ста километрах от Гэанвиля, где жила сестра моего отца с пятью детьми. Я записалась на экзамены и успешно выдержала их! У меня был выбор темы сочинения, и я выбрала психологию. До сего дня я знаю абсолютно все о «внимании» — психологические и медицинские его аспекты, его историю и т. д. Даже сейчас я не вижу пользы этого знания, как и многого другого, честно выученного в школе; вероятно, меня учили думать и творить. Итак, я завершила среднее образование и была готова к поступлению в университет.

Я хочу рассказать об одном забавном случае из того времени. Как я уже писала, мы с сестрой вели несколько уроков в школе в Гэанвиле. Я преподавала шестиклассникам французскую грамматику (они знали значительно меньше меня) и геологию (!). Сама я мало что знала о геологии и потому старалась точно следовать учебнику, прочитывая новую главу перед тем, как выходить к ученикам. Однажды я храбро решилась на проведение лабораторного эксперимента, хотела показать реакцию кальция (был ли это кальций? или просто мел?) на уксус. «Смотрите, дети, сейчас он будет пузыриться, потому что кислота...». Но ничего не произошло, никаких пузырей! Это была первая в моей педагогической карьере попытка быстро найти выход из безвыходного положения: «Ага! А вы подумали, что сейчас появятся пузыри!..»

Вернемся к Александру

Вскоре после того, как я сдала экзамены на последний бакалавриат, мы переехали из Гранвиля обратно в Кламар. Мне исполнилось семнадцать, и через два дня после дня рождения я встретила Александра. И дальше мы шли по жизни вместе: учились, развивались, любили, жили полной жизнью...

Позже, когда мы уже «встречались», совершенно неожиданно мне сделал предложение близкий друг кардинала Жана Даниэлу (сын директрисы коллежа св. Марии, где я училась). Заметив меня на школьном благотворительном базаре, где я что-то продавала, он решил, что хочет на мне жениться sans doté²! Об этом предложении написала моей матери в официальном письме его мать. Моя мать ответила ей, что сердце ее дочери уже занято. И все! Мне было восемнадцать, и я была очень польщена и даже удивлена, что мои родители признали Александра как серьезного претендента на мою руку. Ведь ему было всего двадцать лет!

² без приданого

Мы с Александром совершенно не сомневались, что всегда будем вместе. Мы не говорили об этом, просто знали. Время это в Париже было особым. Шла война, планов на будущее никто не строил, жили только настоящим. Реальным был этот день, теперь, сейчас — и ничего другого. А для молодых людей это так и в обычное время. На каждые выходные Александр приезжал в Кламар, в воскресенье вечером уезжал обратно в Париж, а в понедельник писал мне пневматическое письмо³. Я храню эти письма до сего дня!

Мы оба записались на курс по искусству, который читал один раз в неделю знаменитый профессор Владимир Васильевич Вейдде. Сделали мы это для того, чтобы иметь возможность лишней раз побыть вместе, но для нас обоих этот курс оказался настоящим окном в мир искусства, о котором я знала очень мало. Я до сих пор помню рассказы Владимира Васильевича о портрете мальчика с виноградной кистью Мурильо (Лондонская национальная галерея) и о других картинах, об истории и эволюции искусства и т. п. Мы впервые близко познакомились с миром красоты, вошли в его радость и праздничность. Ну и, конечно, было очень приятно побыть вместе среди недели!

Свадьба

В течение двух лет мы часто встречались. Я занималась филологией на университетских курсах коллежа св. Марии и в Парижском университете, где учила греческий, латынь, филологию и французскую литературу. Александр был студентом Св. — Сергиевского богословского института. Ему только что исполнился двадцать один год, а мне было почти девятнадцать. Мы оба были бедными студентами, без работы, всегда немного голодными, но беззаботными и веселыми.

Трудно сейчас в это поверить, но в один прекрасный день моя будущая свекровь села на метро, потом на автобус — и неожиданно появилась на пороге дома моих родителей в Кламаре. Ни Александр, ни я ничего об этом не знали. Самым традиционным и старомодным образом она попросила моей руки для своего сына. Моего отца не нужно было убеждать в том, что действительно пришло время для нашей свадьбы. Мы «встречались» уже два года, наши школьные занятия страдали. Нам обоим пора было уже вести нормальную жизнь. Я не знаю подробностей той встречи, знаю только, что сразу же все было решено, даже выбрали день свадьбы и место (собор св. Александра Невского). Я была у Александра, когда вернулась его мать и объявила, слегка покраснев, что мы официально обручены. Александру следовало немедленно ехать в Кламар, и он ужасно волновался. И причины для волнения у него были! Мой дорогой отец не собирался так просто отдать ему свою дочь. Я ждала на кухне, пока отец целый час объяснял Александру, как ему повезло заполучить такое сокровище, как я, что он должен постоянно мне поклоняться и помнить об ответственности и обязанностях мужа и т. д. Александру еще не было и двадцати одного года!

И с этого момента и до самой свадьбы три месяца спустя все приготовления и планы взяли на себя моя свекровь и мой отец. Гражданский брак мы оформили за неделю до венчания. Накануне венчания моя мать захотела в первый раз примерить на меня фату. Я не хотела, но мама настояла, и я до сих пор помню, как посмотрела на себя в зеркало, увидела стоявшего за мной отца и полностью осознала происходящее.

³ Пневматическая почта — система перемещения различных грузов под действием сжатого или, наоборот, разреженного воздуха. Закрытые капсулы (контейнеры) перемещаются по системе трубопроводов, перенося внутри себя нетяжёлые грузы, документы. Пневматическая почта как средство быстрой почтовой связи была изобретена в начале XIX века. В середине XIX столетия она уже была распространена в Лондоне, Берлине и Париже

Я разрыдалась, чем ужасно напугала родителей, которые не поняли, что только сейчас я полностью поняла всю серьезность этого события.

31 января 1943 года мы обвенчались в парижском соборе св. Александра Невского. Пел прекрасный хор, пришло очень много гостей; друзья, родственники — все радовались, видя, как мы молоды и как полны надежд.

Не могу удержаться, чтобы не рассказать немного о своем свадебном платье. Одна из моих тетушек, княгиня Мария Трубецкая, шила платья высокой моды и предложила в качестве подарка сшить мне подвенечный наряд. Она надела шикарную старую шубу (местами немного полысевшую) и повела меня в магазин высокой моды (Дом «Пату»!). Пока я примеряла одно за другим подвенечные платья, умирая от стыда за мое поношенное и немодное белье, тетя быстро записывала размеры и детали моделей. И через месяц у меня было настоящее haute couture свадебное платье! Много позже моя мать шила из него платьица моему первому ребенку, Анне, а фата превратилась в занавески для нашей спальни.

Машину найти не удалось, и мой отец нанял карету, запряженную лошадьми, в которой я и отправилась из Кламара в церковь на рю Дарю. Дорога заняла почти два часа. День был очень холодным, ветреным и серым, быстрые облака сопровождали нас до самого Парижа. Помню, как дома родители благословили меня иконой Богородицы, как моя мать прикрепила фату диадемой из флердоранжа — традиционных цветов невесты, помню, как приехала в церковь и медленно поднялась по ступеням. А в самой церкви знаменитый хор Афонского загремел приветственным песнопением: «Гряди, гряди, голубице...». Служили три священника в белоснежных облачениях, горели свечи. Потрясающее венчание!

Мой юный жених, одетый в безупречный костюм (очень необычный для него), бледный, очень волновался. Я была в восторге! Он был ошеломлен! Мой отец организовал все — свечи, выбор напевов, его любимый «Отче наш...» Турчанинова. У Александра было шесть шаферов, у меня — шесть подружек невесты, и они по очереди держали над нашими головами венцы. После службы мы сели в карету и поехали на банкет.

Вместо настоящего медового месяца мы поехали на неделю в Буживаль, маленький городок недалеко от Парижа, и поселились в старомодной гостинице, при которой был небольшой сад с цветущими подснежниками. Эти цветы до сих пор — мои любимые. А вот еще одна деталь из жизни Парижа в военное время. Моя свекровь упаковала и дала нам с собой еду, которая оставалась после свадебного банкета, и я прекрасно помню, в какой восторг привели меня пирожки с капустой, бутербродики с сыром, эклеры и птифуры — такая роскошь во время оккупации! Мы сели на пол и тут же все съели. Это было великолепно.

Но мы не привыкли бездельничать. И пока я подрубала кухонные полотенца, Александр читал книги по программе института. Мы гуляли, но это был пригород — ни деревня, ни город. Хозяйка гостиницы подавала нам скучные положенные обеды и ужины. Нам не терпелось вернуться в Париж и начать совместную городскую жизнь.

К моменту нашей свадьбы Александр учился на третьем курсе института, а я готовилась получать диплом по французской литературе (дипломы по греческому и латинскому языкам я уже получила). Замужество, медовый месяц, переезд в новую квартиру этажом выше родителей Александра не способствовали занятиям. Я помню, как шла в Сорбонну сдавать последний экзамен — плохо подготовленная, абсолютно равнодушная, и к тому же меня сильно мучило, поскольку я уже ждала

ребенка. (Вспоминаю, как я паниковала, когда беременность не наступила через месяц после свадьбы. Я кричала Александру: «Мы останемся бездетными!» Забавное было время...)

Замужняя жизнь

Александр все больше увлекался занятиями в институте. Он часто беседовал со своими профессорами, особенно с отцом Николаем Афанасьевым, который способствовал развитию его интереса к литургическому богословию. Крепкая дружба связывала его также с отцом Киприаном (Керном), нашим духовником и настоятелем прихода в Кламаре. В институте на переменах они каждый день баловали себя чашечкой турецкого кофе. Александр быстро привык к семейной жизни. Не нужно было больше ездить в Кламар каждые выходные, выкраивать время для свидания в течение недели. Нам не нужно было больше каждый день расставаться. Александр был очень доволен жизнью и с головой окунулся в занятия.

Мы жили на седьмом этаже дома без лифта, прямо над родителями Александра. Это была крошечная квартирка с маленькими окнами прямо под крышей. Вернувшись из Буживаля, мы в первую же ночь обнаружили, что наша кровать полна клопами, что было вполне обычным явлением в старых домах. И на следующий день нашу квартиру продезинфицировали, а нам пришлось на время переехать к Шмеманам и спать на полу в одной с ними комнате! Я была в ужасе. Мне было стыдно, неловко, я испытывала разочарование и страстно хотела вернуться домой, к отцу. Александр же даже не замечал моего состояния. Он был дома, в родных стенах, в которых прожил большую часть своей жизни, и не видел в этой ситуации ничего страшного.

Через несколько дней, то есть уже через две недели после свадьбы, мы наконец–то окончательно переехали в нашу уютную квартирку, но запах не выветривался еще очень долго и приводил к частым головным болям. Когда мы ложились спать в первый вечер, мы заметили, что икона Богородицы в углу нашей комнаты висит криво, и решили ее поправить. Представьте себе мой ужас, когда на обратной стороне иконы мы увидели абсолютно здорового огромного клопа! Видимо, он как–то пережил дезинфекцию. Но Александр спокойно лег в кровать со словами: «Завтра ты поймешь, что это был последний живой клоп в нашей квартире!» Так и оказалось.

У нас абсолютно не было денег! Нас кормили родители Александра. Еды в магазинах было мало, карточки были на вес золота. Моя свекровь, Анна Тихоновна, обладала какой–то гениальной способностью раздобывать кое–какие продукты у мясника, булочника и др. с черного хода. Я живо помню, как однажды она принесла домой тяжелое бычье сердце, вонючее и окровавленное, и пыталась уверить нас в его свежести и питательности. До сего дня я чувствую тошноту при одном воспоминании о нем–это действительно было настоящее окровавленное сердце, огромное и очень неаппетитное. Бычье сердце и беременность совместить невозможно.

Старшие Шмеманы давали нам кое–какие деньги на карманные расходы, и мы тут же тратили их на кино и т. п. Александр давал несколько уроков, чтобы заработать немного лишних денег. Мы были невероятно беспечны! Вспоминаю свой первый визит к доктору, который подтвердил мое предположение. Это был Великий Четверг, вторая половина дня, ближе к вечеру. Уже началась служба двенадцати Евангелий. Я пришла в церковь, когда чтение уже началось, и увидела Александра, который держал свечу священнику. Я поймала его взгляд, радостно подмигнула и беззвучно сказала: «Я беременна!»

Александр много и с увлечением занимался, и его учитель, профессор Антон Владимирович Карташев, заверил его, что после окончания института его попросят остаться там в качестве преподавателя.

Я помню, как бесконечное число раз ходила в Сорбонну и обратно. (Кто бывал в Париже, вероятно, представляет себе расстояние между Монмартром, где мы жили, и Сорбонной.) Иногда мы даже шли пешком до дома моих родителей в Клараме. Транспорт был дорогим, да его почти никогда и не было в те военные годы.

И я помню, как мы сидели в подвале нашего дома (районном официальном бомбоубежище, в которое мы спускались во время воздушных налетов) после тоскливого, страшного, несколько раз повторявшегося сигнала воздушной тревоги. Дрожащая, сонная, прижавшись к Александру, я повторяла одно и то же: «Хвалим Тя, благословим Тя, благодарим Тя, Господи...» Полная темнота, сырой подвал... После рождения нашей дочери Анны во время бомбежек мы брали ее с собой, конечно, но тогда уже все мое внимание было обращено на нее — я улыбалась ей, обнимала ее, чтобы она не почувствовала, как нам страшно.

Помню, как я открывала окно и любовалась видом на крыши старых парижских домов. Мы жили в очень старом, довольно ветхом здании, в крошечной квартирке, с кухней в один квадратный метр, туалетом... где мы должны были держать дверь открытой, чтобы иметь возможность сесть! Не было ни горячей воды, ни отопления.

Пока же мои занятия требовали от меня все больше времени, приближались экзамены, а меня постоянно мучило. Александр же каждый день узнавал что-то новое, перед ним открывался огромный новый мир. В институте были прекрасные профессора, и они вдохновлялись, наслаждались общением с жадным до знаний молодым человеком, полным новых идей, энергичным и счастливым. Выходные дни мы проводили у моих родителей в Клараме и там ходили в церковь, а потом возвращались в Париж в свою крошечную квартирку—пока не наступило время рожать.

Помню, как я складывала гирлянды на своем огромном животе, когда 7 января 1944 года украшала в Клараме рождественскую елку. А 10 января, дома, появилась на свет наша Аня. У нас была акушерка, был огромный ящик со всякими медикаментами, но рядом нигде не было больницы, да если бы и была — мы не смогли бы до нее добраться из-за отсутствия транспортных средств. Роды продолжались двадцать шесть часов, пока в 12.30 пополуночи мы наконец не увидели нашу девочку. Конечно, никакой анестезии не было, и я до сих пор считаю безумием, что мы не пригласили врача.

Помню, как, еще беременная, я ехала куда-то на поезде. Большая часть сидячих мест предназначалась немцам, остальные же были забиты пассажирами. Я была близка к обмороку и тихонько опустилась на одно из «немецких» мест. Высокий и красивый немецкий офицер подошел ко мне и сказал на безупречном французском: «Мадам, это место занято». Помню радость, которую я испытала, встав (с трудом!) и гордо продемонстрировав свой огромный живот. Офицер был раздавлен, умолял меня сесть, но я не хотела доставить ему это удовольствие и ответила по-немецки (я учила этот язык пять лет, да и помнила немного еще с детства): «Bitte sehr, садитесь на здоровье!» Представьте себе ликование, смех и ободряющие улыбки остальных пассажиров!

А вот еще одна поездка на поезде в военное время. Мы приближаемся к станции, все пассажиры уже вышли из вагона, и я вижу рядом с собой на сидении довольно большой сверток, завернутый в газету. Я заглядываю в него и вижу свежее сливочное масло — килограмма полтора! Это же целое сокровище! Дома мы сразу развернули пакет и попробовали масло. К этому времени мы уже очень давно не видели и

не ели сливочного масла. Вероятно, какой-то пассажир вез его из деревни, но испугался, заметив на платформе немецкого солдата или полицейского. Торговля на черном рынке вела тогда напрямик в тюрьму. Вспоминая об этом дне, я поражаюсь своей беспечности и прихожу в ужас от своего рискованного поступка. Но я вспоминаю также и чудесный вкус этого масла.

Как я уже писала, наша Аня родилась дома и сразу же была окружена любовью бабушек и дедушек. Я с удовольствием оставалась в постели и позволяла маме помогать мне с ребенком — с кормлением, пеленанием, укачиванием и разрешением бесконечных вопросов, возникающих при появлении младенца: не голодная ли она? срыгнула ли? не пора ли будить? и т. д., и т. п. Мой юный муж был гордым и любящим отцом, он не замечал никаких трудностей, а просто радовался красоте нашей новорожденной девочки. Я до сих пор уверена, что она была самым красивым младенцем на свете. А я видела в своей жизни много младенцев!

Через несколько месяцев после рождения Ани я поняла, что снова беременна. Но в нашей парижской квартирке не было места для второго ребенка! И мы переехали в деревню под Парижем, L'Etang la Ше, где сняли «избу» — деревянную хибарку с удобствами на улице, одним краном с холодной водой, примитивной печкой, топившейся дровами и постоянно дымившей. Лето было прекрасным, осень — красочной, но зимы были трудными. Мы мерзли, голодали и — ждали второго ребенка. Сережа родился 12 апреля 1945 года, в доме моих родителей. Появился на свет он всего через два часа от начала родов.

Я обожаю своих дочерей, и старшую, и младшую, они давали и дают мне любовь, заботу, близость, которые невозможно измерить. Но сын — это просто нечто совсем иное! Я всегда видела его, как бы лучше сказать, в перспективе, со стороны. Он существовал, рос, менялся, развивался — а я была сторонним наблюдателем, всегда гордым, всегда благодарным за то, что он был тем, кем был. Александр просто лопался от гордости: «У меня сын!» Один из его друзей позвонил, чтобы нас поздравить, и поинтересовался: «А как самочувствие?» «Гораздо лучше, — ответил он. — Я наконец-то выспался и чувствую, что отдохнул». — «Саша, чудак, я спрашиваю о твоей жене! Значит, ты выспался и отдохнул! Рад за тебя». Этот ответ Александра на вопрос друга сразу же вошел в семейный фольклор. Андрей, брат-близнец Александра, стал Сережиным крестным отцом и до сего дня любит его как собственного сына.

Между тем я закончила свою учебу, немного преподавала (греческий и латынь) частным образом в Париже, но маленькие дети требовали моей заботы, и я была большую часть времени привязана к дому.

Но вот в одно утро, совсем как в сказке, мы увидели из своего окна пожилую женщину, с завязанными сзади в тугой пучок седыми волосами, одетую в черное, немного близорукую и опирающуюся на палку. Она вышла из заброшенного курятника, находившегося прямо напротив нашего домика. Мы окликнули ее: «Кто Вы? Что Вы делаете в курятнике?» И она ответила нам по-русски! Мы узнали, что она — беженка, приехала из Югославии со своей невесткой, была в нескольких лагерях для беженцев, скрываясь от коммунистов, вошедших в Югославию. Она потеряла связь со своими двумя сыновьями, жить ей было негде и не на что, из вещей у нее было только это черное платье. Ее невестка, у которой здесь были родственники, недолюбливала ее за то, что ей пришлось тащить свекровь за собой во Францию. Не задумываясь ни на минуту, мы предложили ей остаться у нас. Каким-то образом мы сразу поняли, что случилось чудо. Она была нужна нам, мы были нужны ей, мы хотели, чтобы она у нас жила! Мы даже пообещали постараться платить ей заработную плату и заплатили за первый месяц. На второй месяц мы взяли у нее эти деньги в долг, и больше ни о каких операциях с деньгами речи не возникало.

Александра Николаевна Старицкая быстро стала членом нашей семьи. Ей можно было со спокойной душой доверить детей, что позволяло мне ходить на рынок и давать уроки. Она водила детей

в близлежащий лес, рассказывала им чудесные сказки на безукоризненном русском языке и собирала хворост для нашей капризной печки. Она обожала Сережу (во время войны ее два сына пропали без вести), и он позже сказал ей: «Вава (так дети ее называли), когда ты умрешь, я буду стоять около твоей могилы и долго—долго—долго тебя звать».

Александрю часто нужно было услышать чье-то мнение о статье или параграфе в книге, которые он только что написал, и он просил Вава послушать и обсудить. У меня никогда не было времени! Вава закрывала глаза и внимательно слушала. Когда Александр заканчивал читать, она неизменно говорила: «Прекрасно написано, как и всегда, замечательно выстроено...»

Так и текла жизнь в нашей избе. Однажды мы обнаружили, что запасы угля для нашей примитивной печурки с трубой, торчащей из окна, истощились. Александр взял старый чемодан, доехал на поезде до Парижа и вернулся с чемоданом, полным угля, который он позаимствовал у друга. Замок на чемодане был сломан, и Александр нес его на руках, как ребенка. Сам он был покрыт черной угольной пылью, но некоторое время в домике было тепло.

В ноябре 1945 года Александр подал прошение о рукоположении в диакона, а потом, три недели спустя, и в священника. Это было так естественно, нормально, ожидаемо, так логично вытекало из всей нашей жизни, что на деле практически ничего не изменилось. Он всегда был своего рода священником. Наш маленький сын всегда кричал и вырывался, когда его несли к Причастию. На первой литургии, которую служил его отец, я подняла его и показала, кто держит Чашу. Сережа расплылся в беззубой улыбке и широко открыл рот. Александра назначили помощником отца Киприана (Керна) в Кламаре, приходе моих родителей. Но на Пасху 1945 года его послали далеко на север страны, в церковь, где не было своего священника.

В институте Александрю платили очень мало, и он подрабатывал преподаванием перевода в школе бизнеса, Hautes Etudes Commerciales, в Париже. С нами все понятно—нам нужны были деньги, но почему они приняли его на работу? Маленькое чудо, основанное на спешно сданном экзамене по языку, которого оказалось достаточно для того, чтобы Александра сочли профессиональным преподавателем. А однажды нам позвонили (конечно, у нас самих не было телефона, но он был у месье и мадам Врун, наших соседей, и они ударяли в колокол, когда нас срочно звали к телефону). Нам обоим предлагали поработать переводчиками на международной конференции, организуемой Лигой Наций в Париже, под председательством Пассионарии, очень известной женщины, генерального секретаря испанской компартии. Мы должны были переводить и устно, и письменно все русские выступления. Александр переводил устно с русского на французский, а я — письменно. Нам обоим платили невероятно высокий почасовой гонорар (в размере трехмесячной зарплаты в Св. — Сергиевском институте!) и прекрасно кормили. Дома для нас даже рубленое мясо было роскошью! Конференция длилась неделю, и это было настоящее чудо, отдых, праздник. Многие наши друзья, молодые русские парижане, благодаря знанию русского языка и умению переводить тоже работали на конференции. Нам было так весело! Одним из переводчиков был князь Георгий Васильчиков. Он мучительно заикался, но все-таки пришел на собеседование и сказал: «Я з-з-з-знаю, вы у-у-у-удивле-е-ены, но я у-у-у-умею к-к-к-конт-ролировать свое з-з-з-заикание». Впоследствии он стал известным переводчиком в Лиге Наций в Женеве.

Оглядываясь назад на эти годы жизни с маленькими детьми, без отопления и горячей воды, без денег с 15 числа каждого месяца и до его конца, я вижу, как мы были бесконечно счастливы. Мы были очень молоды, беспечны, и я до сих пор думаю, что недостаток материальных средств и удобств ведет к поистине экзистенциальному состоянию. «Живем одним днем!» Благодарность за каждое маленькое

благословение — фунт сахара, подаренный другом, несколько карточек на дополнительную муку и пр., но главное, что у нас было, — это безусловная и постоянная поддержка со стороны наших семей. Например, когда нам предложили работу в Лиге Наций, мы немедленно собрали Вава и детей и отвезли их всех в дом моих родителей, ничуть не сомневаясь в том, что они всегда готовы принять нас и наших малышей. Им даже не нужно было давать инструкции и советы!

Мы все были так счастливы! Я яснее всего помню именно это состояние бесконечного счастья и свободы.

Александр разрабатывал в институте программу курса, который он должен был вести, готовился к защите докторской диссертации, участвовал в различных конференциях и встречах, куда его часто приглашали как молодого блестящего докладчика. В то время мы не думали о будущем, мы жили полной жизнью и наслаждались событиями каждого дня, как дарами свыше.

18 февраля 1948 года родился наш третий ребенок, опять дома, опять с коробкой медикаментов и одной акушеркой, которая пришла, взяла подушку, крепко заснула и даже сладко захрапела, заверив меня перед этим, что времени у меня еще много. Маша родилась вперед ножками и была очень крупной и толстенькой, идеальным младенцем. Ане было четыре года, Сереже — почти три, и теперь в семье появилась еще и спокойное, уютное маленькое существо, которое все обожали. Помню, как я с маленькой Машей ехала в поезде. Помню даже, во что она была одета: в коротенькое белое платьице. Она сидела на моих коленях очень прямо, выставив вперед босые ножки. Напротив нас сидела дама, которая очень серьезно сказала мне то, что прозвучало как пророчество: «Этот ребенок всегда будет доставлять Вам только радость». И она оказалась права.

В том же году Сережа тяжело заболел воспалением легких, и друзья предложили мне воспользоваться их квартирой в Каннах, на французской Ривьере. И мы поехали — трехлетний Сережа, четырехлетняя Аня и я — в набитом людьми поезде в Канны, где наслаждались весенним солнцем. Александр, Вава и маленькая Маша, конечно же, переехали на этот месяц в небольшую квартиру моих родителей.

В институте Александр начал преподавать церковную историю, и после его первой лекции профессор Антон Владимирович Карташев громко сказал: «Ныне отпускаеши раба Твоего с миром ...», со слезами на глазах поздравил Александра и предсказал ему большое будущее в богословии.

Каждый год, сначала с одним ребенком, потом с двумя и, наконец, с тремя, нам удавалось проводить лето за городом. Я была воспитана в твердом убеждении, что проводить каждый год два–три месяца в деревне — просто необходимо, поэтому, независимо от того, были у нас деньги или нет, с помощью друзей, покупая дешевые «семейные» билеты на поезда, мы отправлялись на пляж, в маленькие деревушки, где ели тонкие бретонские блинчики с растопленным маслом, запивая вкуснейшим яблочным сидром. Одно лето мы провели в Бретани, в местечке под названием Перро–Пфек. Приехав туда, мы обнаружили, что колодец около снятого нами домика высох как раз перед нашим приездом. Нам пришлось каждый день ходить с ведрами на ближайшую ферму в полутора километрах от нас. А однажды мы с Александром, оставив детей с Вава, отправились в длинную прогулку по берегу мегалитов. Мы долго с интересом рассматривали доисторические сооружения, устали и зашли в деревенское бистро, где заказали по стакану сидра (тогда не было никакой кока–колы!), рассчитывая утолить жажду вкусным яблочным соком. Но, выпив его, мы поняли, что не можем встать — наши ноги как будто налились свинцом. А до дома нужно было идти еще десять километров! Оказывается, в поданном нам сидре было очень много алкоголя, хорошо замаскированного насыщенным вкусом яблок!

Тем же летом в Бретани все трое детей, один за другим, тяжело заболели корью. Аня даже (слава Богу, ненадолго) потеряла слух, а у Сережи обнаружилась аллергическая реакция на сульфамид, которым его лечили, у него невыносимо чесалось все тело и он кричал от боли. У Маши, по ее обыкновению, поднялась высоченная температура, и нам приходилось опускать ее в корыто с холодной водой (и это притом, что воду носили из колодца в полутора километрах от дома!). Александра в это время с нами не было — он уехал на четыре недели в Швейцарию читать лекции. Телефона у нас тоже не было. Местный доктор был армейским врачом, уже вышедшим на пенсию, и к тому же плохо говорил по-французски (в Бретани совсем другой язык). Он постоянно рассказывал мне о тяжелых осложнениях после кори. Но все закончилось благополучно. Со мной была Вава, и я безусловно верила в жизнь.

Эта моя вера в жизнь подверглась серьезному испытанию, когда у Маши, в возрасте одиннадцати месяцев, случился очередной приступ очень высокой температуры. Пришел врач и предупредил меня о том, что такая температура у ребенка может вызвать судороги. Со мной была моя мама. Когда мы увидели, что у Маши начались судороги, мы немедленно налили в ванну холодную воду и опустили туда Машу. Она вдруг побледнела и обмякла. Жива ли она? Помню, как я повторяла: «Господь дал, Господь взял; да будет имя Господне благословенно». И вдруг она пошевелилась! Она была жива! Доктор прописал пенициллин, который нужно было вводить каждые пять часов. Наш друг, Петр Струве, молодой врач, сразу же к нам приехал и не только сделал инъекцию, но и сидел с Машей следующие сорок восемь часов, чтобы мы смогли отдохнуть. Как часто нищие эмигранты делились друг с другом своим временем, своими силами! Никогда, никогда не забуду то утро, когда Маша проснулась, уцепилась за стенку своей кровати и с улыбкой встала! (Молодой Петр Струве погиб позже в автомобильной катастрофе, и я всегда поминаю его в своих молитвах.)

И в наш медовый месяц в Буживале, и в Париже или в Клараре у моих родителей, и на отдыхе в Нормандии и Бретани мы с Александром очень часто совершали длинные прогулки. И позже, в США и Канаде, мы гуляли почти каждый день. Наши прогулки никогда не были простыми физическими упражнениями, это были приключения! Мы даже придумывали сказочные названия своим маршрутам: Chemin des Ruines (тропа развалин) или Versailles (Версаль). Почему Версаль? Потому что там деревья росли так, что пейзаж напоминал парк вокруг знаменитого дворца. Каждый маршрут имел свои собственные, отличные от других черты. Например, в «Версале» мы всегда встречали стадо коров, во главе которого вышагивал огромный бык и грозно смотрел на нас. А в другие дни мы отправлялись собирать грибы, и иногда наши старания увенчивались целыми корзинами лисичек или белых, любимых грибов всех русских, или других съедобных соковок — земляники и малины. Мы с Александром встретились совсем молодыми — мне было семнадцать, ему девятнадцать, и любовь, уважение и близость к природе возрастала и развивалась в нас обоих. Меня воспитали в любви к деревне, Александр же был совершенно городским мальчиком, интеллектуалом, редко расстававшимся с книгой.

Эти прогулки, первоначально бывшие предлогом к тому, чтобы побыть вдвоем, со временем стали неотъемлемой частью нашей жизни. Меняющиеся цвета осени, первый зимний снег, запахи, несущие обещание скорой весны, грозный шум разбивающихся о берег океанских волн, деревенская улица, в окнах домов которой можно сквозь занавески поймать взглядом картину простой семейной жизни, встретившийся на пути фермер, медленно идущий домой после трудового дня, вкус парного молока, — все это стало частью нас, частью нашего совместного роста, частью нашей общей жизни. Мы никогда не думали и не говорили об этом, просто — жили. Солнечный луч, пронзающий тишину пустой часовни, заставлял Александра испытывать острое счастье, и он даже пытался описывать эту красоту словами. Но мы не были слепы и к красоте, созданной руками человеческими. Мы любили Венецию, Рим, Париж со

всеми их сокровищами. Любовь и уважение к природе мы привили и нашим детям, и для них это тоже нормальный образ жизни, образ существования, неотъемлемая составляющая их мировоззрения.

Время шло, и вот мы приехали еще на одно лето в Гранвиль и поселились в маленьком домике. Однажды мы увидели в окно, как маленькая Аня (ей тогда было пять лет) изо всех сил пытается удержать в руках свое ведро с песком, которое вырывают у нее двое маленьких хулиганов. Не успели мы броситься к ней на помощь, как четырехлетний Сережа вылетел из дома, громко выкрикивая единственное известное ему французское слово «Non!» («Нет!»). Его свирепый вид испугал нападавших, они бежали, и Аня была спасена своим младшим братом. В другой раз, вероятно год или два спустя, Сережа играл с другом, и вдруг я смотрю — нет обоих! Мы с Александром бросились искать, звали его, кричали и уже начали впадать в отчаяние. Мальчики появились лишь через пару часов. «Где ты был?!» — «В лесу. Мы заблудились...» — «Ты же знал, что нельзя уходить без спроса!» — «Но Ники попросил меня пойти с ним». Он и помыслить не мог, чтобы отказать другу. И сегодня, более пятидесяти лет спустя, Сережина жена Маня страдает от его неумения говорить «нет».

Это же неумение отказывать было свойственно и Александру. Всю его жизнь Александра окружали друзья, студенты, коллеги, даже незнакомцы, которым нужно было поговорить с ним «только одну минуточку». Он редко жаловался, считал это вполне естественным, но из его дневниковых записей видно, как это временами тяготило его и не оставляло ему времени для себя. Однажды я спросила его: «Кто мой ближний?» И он ответил: «Это очень просто. Ближний — тот, кто находится в твоём поле зрения сейчас, в этот момент».

Выходные дни мы почти всегда проводили в Клараме в доме моих родителей. Мы приезжали в их квартирку с Вава, детьми и несколькими сумками, и для меня это было раем. Родители занимались детьми, еда появлялась на столе без того, чтобы я ломала голову, что купить и почем. Нас окружали любовь, тепло и свобода. Мои родители любили нас и боготворили наших детей. Мама часами могла разговаривать с Александром о вере, Церкви, философии и смысле жизни, в свои двадцать пять — двадцать шесть лет он умел внимательно слушать и никогда не отмахивался от сомнений, высказывались ли они моей матерью или кем-либо другим. (Я вспомнила, как моя мать, когда мне было всего семь лет, спросила меня: «Ляна, ты когда-нибудь думаешь о смысле жизни, или ты слишком проста для этого?» Хорошо помню, как сидела тогда под кустом сирени, думала о том, что такое смысл жизни, и горько плакала, потому что совершенно не понимала, что это такое.)

Отцу же моему сомнения были неведомы. Он любил жизнь, природу, жену (буквально боготворил ее), семью и Церковь. Он мог часами сидеть у окна, с наслаждением наблюдая, как раскрывались и являлись миру на несколько часов во всей своей красоте и славе нежные лепестки вьюнка, который он сажал там каждый год. Ощущение радости жизни никогда не покидало его, несмотря на все трудности повседневного существования и прогрессирующую болезнь, мешавшую ему свободно дышать. Он был невероятно, абсолютно свободен.

Что еще могу я добавить к описанию моей чудесной жизни во Франции перед нашим отъездом в Америку? Эти годы были как бы прелюдией к жизни в новом для нас мире, в котором Александр смог полностью посвятить себя своему призванию и миссии — служить Богу на американской земле.

Переезд в Америку

Во главе Св. — Сергиевского Богословского Института стояла группа профессоров, которые поддерживали деятельность о. Александра, но не считали нужным привлекать более молодых людей и не признавали никого, кто мог бы, упаси Бог, привнести в жизнь института какие-либо перемены или новые идеи. Они не поощряли тесного общения преподавателей со студентами или с окружающим миром. Большинство принимало за истину лишь то, что раньше было в России и, по их мнению, должно было оставаться таким же и в настоящем, и в будущем. Более молодые преподаватели не допускались к участию в совещаниях профессорско-преподавательского состава, на которых могли присутствовать лишь члены «внутреннего круга».

Как раз в это время профессор и священник Георгий Флоровский эмигрировал в США, где возглавил маленькую семинарию в Нью-Йорке. Св. — Владимирская семинария располагалась в нескольких квартирах, принадлежавших протестантской Объединенной теологической семинарии (Union Theological Seminary). Флоровский преподавал, проповедовал и был просто поражен открывавшимися перспективами для миссионерской работы Православной Церкви в Америке. Он написал Александру и предложил ему работать в семинарии. В это же самое время Александра пригласили в Англию, в Оксфорд, преподавать историю Восточной Церкви. Не задумываясь ни на минуту, Александр выбрал Америку. Он был молод, энергичен, полон миссионерского рвения. Меня же мысль о расставании с родителями и переезде за океан приводила в ужас. Но мне и в голову не пришло бороться с естественным течением нашей жизни, пытаться направить ее в другое русло, чтобы остаться там, где для Александра и его семьи так очевидно не было никаких перспектив. С моей стороны это не было ни послушанием, ни жертвой. Мы с Александром уже настолько были едины, что решение о переезде в Америку было нашим общим решением. Родственники и друзья поначалу отреагировали на наши планы очень негативно. «Вы действительно собираетесь в Америку, эту страну долларов и бескультурия, так далеко от семьи и друзей?» Наши родители очень печалились. Они обожали внуков. Но отговаривать нас они не пытались, зная стремление Александра к активной жизни священника и преподавателя. Реакция профессоров в институте только укрепила нас в нашем решении, тем более что отец Георгий Флоровский так живо описывал в своих письмах к нам огромную миссионерскую работу, ожидавшую нас в Америке. Александр был очень благодарен своим учителям в Св. — Сергиевском институте, но прекрасно понимал, что в нем бурлит и требует выхода энергия, которой нет приложения во Франции. Он, в возрасте двадцати восьми лет, жаждал широкого поля деятельности, хотел работать.

И вот билеты на пароход «Королева Мария» получены, паспорта заказаны, визы на руках. Когда Александр заполнял бумаги на получение американской визы в посольстве США на площади Согласия, к нему подошел какой-то человек (кто?) и спросил, не хочет ли он поддерживать связь с правительственной организацией (какой?) на тот случай, если понадобится раздобыть какую-либо информацию. И я, и Александр были поражены и никак не могли понять, о чем идет речь, но на всякий случай отказались. Много позже, когда мы уже жили в США, мы узнали о существовании ЦРУ и поняли, что нас пытались завербовать, предлагали нам стать источником информации, вероятно из-за нашего русского происхождения и связей с русскими эмигрантами.

Еще один конфуз вышел в фотоателье, куда мы пришли делать фотографии на паспорта. Трехлетняя Маша наотрез отказалась фотографироваться и кричала от ужаса при взгляде на непонятный щелкающий аппарат и таинственную фигуру под большой черной накидкой. «Маша, если ты не будешь сидеть спокойно, мы все уедем в Америку и оставим тебя здесь!» На фотографии из ее паспорта до сих пор можно увидеть сердитое, обиженное личико.

Мы уехали. Вава осталась у моих родителей — ее виза все еще не была готова. Самым ужасным было для меня прощание с отцом, никогда я не переживала в жизни ничего подобного. Он был, и остается до сих пор, моим кумиром. Мы были так близки, мы думали и чувствовали одинаково. К тому же он страдал от эмфиземы и слабого сердца. Моя дочь Аня до сих пор помнит, как она цеплялась за шторы и отказывалась выходить из дома. Но, в конце концов, мы уехали, запаковав немногочисленное имущество в два больших старомодных сундука. На поезде мы доехали до Нормандии, где поднялись на борт «Королевы Марии».

У меня с детьми была крошечная каюта с еще более крошечным туалетом, а Александр располагался в соседней, вместе с тремя незнакомцами. На самом деле мы все время были вместе, уместив двух младших детей на одну койку. Два дня мы исследовали пароход и по возможности развлекались, а на третий день разразился сильный шторм и бушевал два дня, и мы все лежали в каюте, страдая от морской болезни и жуя пресные галеты, которыми снабжал нас исполнительный стюард. Шторм начался как раз тогда, когда мы с Александром смотрели фильм «Гамлет», а дети находились в игровой комнате под присмотром няни. Когда Гамлет на верхушке башни произносил свой знаменитый монолог «Быть или не быть, вот в чем вопрос...», эта самая башня перед нашими глазами вдруг начала сильно раскачиваться. Нам сразу стало ясно, что лучше «не быть», и, цепляясь за наспех натянутые канаты, мы отправились за детьми. Но в игровой никого уже не было! Где они? К этому времени пароход уже очень сильно качало, в коридорах никого не было. И тут мы увидели на ступеньках лестницы наших ангелочков. Аня крепко прижимала к себе младших, и так они молча и терпеливо ждали нашего появления. Я должна сказать, что это были потрясающие дети, веселые, любящие, надежные. Аня уже в раннем возрасте считала себя ответственной за сестру и брата, она всегда следила за ними и заботилась о них. Сережа был находчивым, храбрым и по временам опасно «творческим» мальчиком. Маша же, хорошенькая и спокойная, не отходила от меня ни на шаг.

Шторм утих так же неожиданно, как начался. И скоро вдалеке показалась статуя Свободы! Пароход вошел в гавань Нью-Йорка 13 июня 1951 года. Мы не имели ни малейшего представления, где нам придется провести первую ночь. Да и никто на пароходе точно этого не знал. На берегу нас ждал мой дядя, Сережа Гагарин, младший брат мамы, со своей женой Лизанькой. Я не видела его пятнадцать лет, но он был моим крестным и когда-то мы были очень близки. Он заметил нас еще на палубе, когда пароход медленно причаливал, и крикнул: «Вава нашла сына!» Первым приветствием на американской земле стала эта чудесная новость. В парижской русской газете появилось короткое объявление: «Если кому-либо известно местонахождение Александры Старицкой, прошу известить ее сына в Триесте, Италия». Но прошло еще восемь лет до того, как Вава окончательно воссоединилась с сыном Мишей. Из Италии его отправили в Австралию. А она сперва приехала к нам в США и уже там подала прошение о визе. Три раза ее прошение было отклонено, но в конце концов, в 1959 году она уехала в Австралию, прожив в нашей семье четырнадцать лет.

Но вернемся к нашему приезду в Америку. Мой дядя отвез нас в Св. — Владимирскую семинарию, где нас поселили в студенческую комнату с четырьмя односпальными кроватями. Американских денег у нас не было, по-английски мы почти не говорили (я в то время вообще не знала ни одного английского слова!).

Перекусив чем-то на скорую руку, мы уложили детей спать, а сами на такси поехали к Гагариным. И там я взорвалась! Никакого приветствия от Флоровского, студенты на каникулах, занятий нет, жара, духота, одна крошечная комната, металлические кровати, жесткие матрасы без простыней! А что будет

завтра? Я рыдала, а бедный Александр не знал, что делать, и повторял: «Я куплю тебе завтра красивое платье!» Платье? Зачем? Я не хотела новое платье, я хотела домой!

На следующий день нам сказали, что до начала осенних занятий в семинарии нас приютит Толстовская ферма в Вали–Коттедж. И мы туда поехали, и это действительно была ферма. Александру поручили вести занятия по Закону Божию в летнем детском лагере, в котором нашлась работа и для меня и куда приняли и Аню и Сережу, а Маша хвостиком ходила за мной по пятам. Все мы спали в «митрополичьей» комнате. Таким образом, на лето у нас был кров, нас кормили, и мы жили в деревне. Александру в то время было двадцать девять лет, а мне двадцать семь.

Св. — Владимирская семинария платила нам очень скромное жалованье, но не предоставляла жилья. Подразумевалось, что Александр получит приход в городе Нью–Йорке, недалеко от семинарии, и мы будем там жить. Церковь находилась в Астории, в Квинсе, прямо под эстакадой, по которой громыхали поезда нью–йоркского метро. И вот одним ранним воскресным утром Александр вместе с одним из членов приходского совета пришел туда, чтобы отслужить литургию и встретиться с прихожанами. На двери церкви они увидели огромный замок и записку: «Мы перешли под юрисдикцию Зарубежного Синода». Член приходского совета был в полном недоумении и ужасе и сказал: «Пойдемте—ка куда–нибудь, выпьем кофе или чего–нибудь покрепче». Но о. Александр не согласился: «Сегодня воскресенье. Мы поедem в собор и причастимся там». В соборе еще ничего не знали о переходе прихода в Астории в другую юрисдикцию; они предложили Александру служить у них в качестве третьего священника и предоставили ему две комнаты с кухней. Александр вернулся на ферму, рассказал мне о новом повороте событий, и я тут же начала искать в «Желтых страницах» названия и адреса школ в этом районе. Тот, кто бывал на 2–й улице в Манхэттене, поймет мою озабоченность. Но, как это часто происходило в нашей жизни, нашлось счастливое решение. Отец Георгий Флоровский нашел для нас квартирку в самой семинарии. В то время Св. — Владимирская семинария располагалась в жилом многоквартирном доме, вокруг которого находились Колумбийский университет, Объединенная теологическая семинария, Еврейская теологическая семинария и Барнард–колледж. И в середине сентября мы с двумя до сих пор так и не открытыми сундуками перебрались на угол 121–й улицы и Бродвея, где и прожили следующие десять лет нашей жизни.

Нашего жалованья хватало на полмесяца. Тогда я стала преподавать французский язык в маленькой школе под названием «Железная рука в бархатной перчатке». Хозяйка школы находила мне учеников, с которыми я занималась у них дома, а я отдавала ей половину платы за урок. Вторая половина помогала нам дожить до конца месяца. В это же время Александр начал работать на радиостанции «Свобода». Таким образом нам удавалось сводить концы с концами. У нас появились близкие и верные друзья. Один из них, иезуит, продал нам за один доллар машину — бьюик 1942 года. Это была роскошная машина, со стеклом, отделяющим передние сидения от задних. Сзади было очень просторно, благодаря двум дополнительным выдвигающимся сидениям в машине легко помещалась вся наша семья вместе со вскоре присоединившейся к нам Вава. А благодаря стеклу между передними и задними местами дети могли шуметь сколько угодно и не мешать при этом водителю.

Мы очень подружились с семьей Небольсиных. Они поселились в США уже давно и прекрасно знали американский образ жизни. Именно они порекомендовали мне частные школы для детей и снабдили нужными рекомендациями. Жили они в прекрасном доме в Бриджгемптоне, на Лонг–Айленде, и там мы не раз проводили незабываемые летние каникулы с детьми, наслаждаясь красотой этой части мира. Жизнь в Бриджгемптоне, на берегу могучего Атлантического океана, того самого, который мы полюбили еще во Франции и который теперь вызывал у нас иногда ностальгию по детству и молодости,

была спокойной и беззаботной. Дом их был вполне типичным для Лонг–Айленда: старый, обшитый серым гонтом, со скрипучими и неровными полами. Там весело горел огонь в камине, и все было таким старомодным, в стиле старой Америки. Библиотека хранила замечательную коллекцию книг, возле уютных кресел аккуратно лежали стопки старых журналов. Гостеприимство Небольсиных по отношению к нам простиралось гораздо далее просто приглашения бывать в их летнем доме. До того, как мы купили у иезуита бьюик, они одолжили нам один из своих автомобилей. Мы оставляли его на ночь перед нашим домом в Нью–Йорке, и однажды его угнали. Они тут же дали нам другую машину, а за угнанную им была выплачена страховка. Все это — угон одной машины, немедленное появление другой и вообще такой практичный подход к жизни — поражало меня. Небольсины приняли нашу семью в свое сердце, относились к нам с неизменной добротой и щедростью, и это очень помогло нашему привыканию к американскому образу жизни.

Мой крестный, дядя Сережа Гагарин, и его жена Лизанька Бутенева были нашими ближайшими родственниками в Нью–Йорке. Они любили нас, а мы любили их. Никогда не забуду наш первый октябрь в США, когда дядя повез нас в своем маленьком автомобиле в Коннектикут полюбоваться на красоту осени в Новой Англии. Казалось бы, ничего особенного в этом событии не было, но мы только что приехали в незнакомый город и вид ярких осенних листьев на фоне синего неба наполнил нас радостью и надеждой. Тут я должна оговориться: наполнил меня, потому что радость и надежда всегда были присущи личности Александра.

На следующее лето, в 1952 году, мы поехали на озеро Лабель в Лаврентийских горах в Канаде, после того как провели месяц на Лонг–Айленде, так как деревня и природа были для нас обязательными составляющими жизни. До сих пор моя младшая Маша, любит вспоминать, как в детстве она была уверена в том, что все проводили один месяц на океане, а следующие два — на озере. Она считала, что это обычная жизнь. И так это и было для нас тогда, и остается таким и сейчас для моих детей, внуков и правнуков, которые каждое лето продолжают собираться все вместе в Лабель.

Еще один моя дядя, Сергей Трубецкой, раньше тоже жил во Франции и бывал у нас. Когда я была маленькой девочкой, меня отправляли на лето к нему на ферму. В США он переехал задолго до нашего там появления и во время второй мировой войны служил офицером в американской авиации. В 1945 году его послали в Париж с какой–то миссией. Он пришел в церковь в Кламаре и, увидев там моего Сережу, которому тогда было четыре месяца, сказал, что его жена Люба (урожденная Оболенская) тоже ожидает ребенка через несколько недель. (Речь шла о его третьем ребенке, девочке Елизавете, у которой сейчас четверо взрослых сыновей и которая каждое лето приезжает в свой дом в Лабель.) А потом он добавил: «Если вы когда–либо окажетесь в Америке, то помните, что у меня есть дом в самом прекрасном месте на земле. Это место называется Лабель». В то время о переезде в Америку никто даже и не думал. Но, как только мы приехали в Нью–Йорк, мы решили, что на следующее же лето мы поедem в Лабель, любимое место моего дяди в Канаде. И мы ездим туда с 1952 года по сей день.

Нью–Йорк после Парижа

В Нью–Йорке мы каждый день открывали для себя что–то новое. Этот город так сильно отличался от Парижа! В Париже мы жили узким кружком: семья, церковь, русские эмигранты. В коллеже св. Марии я получила всестороннее образование. Александр же, несмотря на учение во французском лицее, был гораздо более русским, но он всегда интересовался мировой культурой, жадно и много читал. Он постоянно общался с русскими богословами и мыслителями и знал, каких усилий им стоит выполнять свою миссию. Отца Сергия Булгакова, профессора догматики, например, окружала группа

последователей, напомиавших секту в своей приверженности его «Софии». Отец Сергей перенес операцию по поводу рака горла и мог говорить только через специальный аппарат. Группа мужчин и женщин, почти боготворивших его, присутствовали на всех литургиях, которые он служил по праздникам в институте. Ни Александр, ни я не участвовали в таком поклонении, хотя прекрасно понимали, что этот святой человек обладает экстраординарным творческим талантом, недаром он до сих пор является объектом глубокого уважения, а труды его серьезно изучаются. Я живо помню одну их таких литургий. Было раннее зимнее утро, на улице еще темно, церковь не отапливалась. Отец Сергей в легком светло-голубом облачении (он не мог по болезни уже носить тяжелые облачения), почти прозрачный, служил Господу в абсолютно отрешенной манере, он был уже «там», в Царствии Божьем. Да и вся атмосфера института была несколько «потусторонняя». К тому же все были всегда немного голодны и очень мерзли.

В Нью-Йорке никто не голодал и не мерз, по крайней мере, в семинарии. Мы не сразу к этому привыкли. Нам казалось, что финансовые и административные сложности, испытываемые Св. — Владимирской семинарией, вытекают из какого-то нереалистического подхода к церковным вопросам. В Париже церкви были бедны, ни один приходский священник не мог существовать, если не имел постоянной работы помимо своего служения. Св. — Сергиевский институт просто нищенствовал, особенно во время войны, когда Александру приходилось сидеть на занятиях с забинтованными пальцами, так как он их отморозил и испытывал сильную боль. В институте почти не топили, в классах было очень холодно. Как я уже писала, несмотря на это, мы были вполне беспечны! Теперь это кажется удивительным. Денег никаких не было, и такой подход к жизни казался вполне естественным. Жизнь состояла из череды малых чудес: неожиданный подарок, посылка из Америки... И я, и Александр на всю жизнь сохранили это чувство. Я действительно могу порекомендовать такой подход к жизни: он не только соответствует Евангелию, но и очень удобен.

Но в Нью-Йорке нам пришлось привыкать мыслить по-другому, научиться быть практичными для того, чтобы заботиться о детях и о семинарии. Это оказалось не таким уж трудным делом, потому что, как я понимаю теперь, мы привыкли приспособливаться и довольствоваться тем, что имели, а не тем, что могли бы иметь. Написание еженедельных проповедей и трансляция их в Россию на радио «Свобода» и еженедельные литературные комментарии приносили нам сто долларов, и это было чудесно. Александра хорошо узнали в СССР, где люди с нетерпением ожидали его еженедельных программ. Александр Солженицын, например, не пропустил ни одной воскресной проповеди! Атмосфера в Св. — Владимирской семинарии была теплой, дружественной, жизнь там была полна приятных сюрпризов и событий, миссионерского рвения и возрастания.

Прямо рядом с семинарией на 121-й улице стояла красивая римско-католическая церковь, Corpus Christi, а к ней примыкала школа, которой руководили доминиканские монахини. Я записала туда Аню и Сережу во второй и первый класс соответственно, и перед Рождеством Аня победила в конкурсе на лучшее правописание. Дети очень быстро заговорили по-английски и прекрасно себя чувствовали в теплой, религиозной и радостной атмосфере школы. Маша ходила в детский сад, где было огромное количество развивающих игрушек и приспособлений. Александр преподавал и служил в семинарии. Нам очень нравился наш район, в нем было так много образовательных и культурных учреждений! У нас даже было великолепное место для прогулок — прекрасный риверсайдский парк, разбитый вдоль реки Гудзон. Дети уже вовсю болтали по-английски, и настало время поместить их в более серьезную школу.

Когда я пришла в частную школу для девочек «Chapin schoob, чтобы записать туда Аню и попросить для нее стипендию, директриса спросила меня, не соглашусь ли я преподавать там французский язык вместо учительницы, которая ушла в длительный отпуск. Я почти не говорила по-

английски, но, вероятно, смогла убедить директрису в том, что мое образование, дипломы и культура достаточны для такой позиции. Именно в этой школе я научилась хорошо говорить по-английски, попросив коллег поправлять меня и помогать с письменным языком. На следующий год мне позвонили из Spence School, еще одной частной школы для девочек в Нью-Йорке, и предложили преподавать у них. Таким образом, я никогда не искала работу, она всегда сама сваливалась на меня с неба! Я проработала в Spence School двадцать семь лет, из них четыре — начальницей школы. Настоящая американская карьера! Преподавание в этих замечательных школах помогло нам планировать образование наших детей и близко познакомиться с американской школьной программой, которая нас очень впечатляла. Сережа поступил в Коллегиальную школу, там была отличная академическая программа, занятия театром, музыкой, искусством и спортом. В этой школе для мальчиков у Сережи появилось много настоящих друзей. Маша пошла в Chapin School в четвертом классе и, как и Аня, проучилась там до двенадцатого, до самого выпуска.

Через два года после нашего приезда в Нью-Йорк я получила телеграмму от родителей с известием о том, что мой отец при смерти. Любимая тетька и двоюродный брат в течение часа после того, как я позвонила им по телефону, привезли мне шестьсот долларов, и я смогла купить билет на самолет в Париж. В это время все дети болели свинкой, но Вава уже была с нами и привыкла к нью-йоркской жизни. Я оставила ей детей и полетела в Париж. Это был мой первый перелет на самолете. В те времена еду в дорогу брали с собой. Мы должны были сделать остановку в Исландии, а весь полет длился восемнадцать часов. В последнюю минуту Александр предупредил меня, что из боковых моторов будет вырваться пламя. Хорошо, что он догадался мне об этом сказать, а то я бы умерла от ужаса. В Париже оказалось, что отцу стало немного лучше. Невозможно описать нашу встречу! Я провела дома шесть недель, наслаждаясь общением с родителями, родственниками и друзьями. Потом я собрала своего отца и увезла его с собой в Нью-Йорк. Мама, брат Миша и младшая сестра Соня приехали в Америку шесть месяцев спустя. Моя старшая сестра Марина к тому времени уже переехала с мужем и детьми в Канаду. Наша квартирка в Нью-Йорке заполнилась кроватями, раскладушками, чемоданами. Но, в конце концов, и брат, и сестра нашли работу и квартиру с видом на реку Гудзон, куда перевезли и родителей. Жизнь снова вернулась в нормальное русло.

Поездка во Францию оказалась очень валена для меня. Во-первых, я смогла побыть с родителями, которых мне не хватало больше, чем я думала. Это был и прекрасный отдых: никаких обязанностей, повседневных забот, беспокойства о детях. Полная свобода! Но самое важное заключалось в том, что эта поездка позволила мне понять, насколько действительно я счастлива в моей новой стране. Поездка во Францию напоминала посещение музея, приятное, но не имеющее никакого отношения к моей настоящей жизни. Я знала теперь точно, где мое место. Я жила в Америке, потому что хотела этого, потому что у меня была цель, миссия. Я была счастлива оказаться во Франции, и я была счастлива возвратиться в Нью-Йорк, возвратиться домой.

Большая часть нашей жизни проходила среди ново-обретенных родственников и друзей. Нас часто приглашали на литературные вечера. Думаю, что Александр привлекал к себе живое любопытство со стороны этих людей, привыкших к священникам, не особенно знакомым с литературой и философией и не интересовавшимся проблемами мира, политической эволюции или современной литературы. Эта новая среда—диссиденты из СССР, многие из них евреи или же русские, не имеющие никакого опыта Церкви, — была очень интересной. Их встреча с Западом, их внутренняя борьба, их русский патриотизм были страстными и яркими. Поразительно, что Александр притягивал их к себе как магнит. Он был гостеприимен, терпелив, щедр, ласков, эти люди были ему действительно интересны, и он относился к ним с неизменным и полным вниманием.

Раз в месяц мы встречались у нас дома. Я подавала чай с печеньем. Сначала выступал какой-нибудь поэт, или писатель, или политический или общественный деятель, потом это выступление живо обсуждалось всеми присутствующими, и нередко гости уходили только за полночь. Для всех нас это было чрезвычайно важно и интересно. Александр чувствовал себя совершенно свободно среди разнообразия талантов, убеждений и жизненного опыта. Мне трудно передать атмосферу этих встреч, сопереживание душераздирающим рассказам о разбитых судьбах, прошлой жизни, грусти, энергии и надежде. Многие из этих людей стали нашими близкими друзьями. Они не имели никакого отношения к нашему семинарскому окружению и к церковной организации. Но их привлекала личность отца Александра, его твердые убеждения, его терпимость, широта его взглядов, душевная щедрость. В нем они видели человека, священника (он всегда носил рясу), интересующегося их взглядами, вопросами культуры и т. п. Квартира так наполнялась сигаретным дымом, что даже лестничную клетку приходилось потом проветривать.

Кроме этого, Александр еще принимал участие в цикле лекций, которые читались по четвергам по-русски. Организатором их был профессиональный социальный работник Георгий Новицкий. Он решил, что именно отец Александр сможет привлечь слушателей на серьезные занятия. Один раз в месяц мы рассылали приглашения по списку, кем-то нам предоставленному, и в течение нескольких лет Александр читал лекции на духовные, религиозные и культурные темы. Эти вечерние лекции собирали из года в год все больше слушателей, и мы поняли, что русские эмигранты знали очень мало о своей Церкви, своей религии и своей культуре.

Итак, мы жили в Нью-Йорке, на углу 121-й улицы и Бродвея. Наша квартира состояла из кухни, ванной комнаты, гостиной, двух маленьких спален и еще двух комнат, в которых жили три студента-серба: Кокич, Веселии Кесич и Миша Йованович. Позже к ним присоединился Василий Нагоски. Нам очень повезло, что эти замечательные молодые люди жили с нами. Не знаю, считали ли они себя столь же удачливыми, деля квартиру с семьей с тремя маленькими детьми и собакой! Во время одной из наших прогулок за нами увязалась собачонка, очевидно потерявшаяся. Один наш друг сказал нам: «Я понимаю в собаках. Это двухмесячный щенок, мальчик». Собаку назвали Снэпом, она стала любимым членом семьи. Оказалась она, впрочем, девочкой!

Мы с Александром спали на раскладном диване в гостиной, дети и Вава разместились в маленьких спальнях. Кухней и ванной пользовались все жители квартиры. После жизни в «избушке» с единственным краном, из которого текла только холодная вода, и с удобствами на улице эта квартира казалась мне верхом роскоши. В первом письме родителям я писала: «Только представьте себе: пять кранов с горячей водой! И газовая плита! Центральное отопление! И не надо больше колоть дрова или доставать уголь!» В квартире под нами одна комната была превращена в часовню. У семинарии было еще четыре квартиры в доме, в одной жил отец Георгий Флоровский, в других—двадцать шесть студентов.

Александр с головой погрузился в работу: он преподавал, участвовал в жизни Церкви, во главе которой стоял митрополит Леонтий, пытаясь разобраться в совершенно новой для него церковной ситуации, столь отличной от парижской. Студенты должны были сами заботиться о себе. В семинарии не было общей кухни, никакой общей жизни, кроме лекций, которые проходили в аудиториях Объединенной теологической семинарии, располагавшейся через дорогу от нас. Ежедневные богослужения проходили в нашей часовне, воскресные литургии совершались в ближайшем к нам приходе отца Александра Киселева, русского эмигранта, и семинаристы ходили туда на субботние и воскресные службы.

Нужда, как говорится, лучший учитель, и я выучилась английскому для того, чтобы покупать еду, разбираться в ценах и т. д. В Нью-Йорке мы сразу почувствовали себя дома, так, как мы никогда не

чувствовали себя во Франции. Мы учились во французских школах, но нам всегда давали понять, что мы иностранцы. Мне до сих пор больно вспоминать об одном случае. В Париже, когда мне было двенадцать лет, мы с отцом ехали в метро и тихо говорили между собой по-русски. И вдруг сидевший напротив нас человек грубо и громко сказал: «Возвращайтесь обратно в свою коммунистическую страну и дайте нам дышать свободно!» Мы замерли и не двигались до того момента, пока поезд не остановился на нашей станции. Никогда не забуду испытанного мною тогда ужаса, не столько физического, сколько душевного. Несправедливая, незаслуженная пощечина! Больше всего я переживала за отца, безупречного джентльмена. Как мог он возвратиться «домой» в страну, где большевики убили его брата? В другой раз, много лет спустя, когда я была уже на сносях, я пошла записываться в очередь на получение противогАЗа, которые во время войны должны были выдать всем. А мне сказали: «Для иностранцев у нас противогАЗов нет!» У меня тогда был Нансеновский паспорт для беженцев. Я рассказываю здесь об этих случаях именно потому, что ничего подобного не могло быть в США, где нас сразу встретили с невероятным радушием.

У всех семинарских профессоров были семьи. Дети профессора Бориса Ледковского, преподававшего церковную музыку, и наши были ровесниками. Дочери профессора Сергея Верховского, приехавшего из Парижа через два года после нас, были того же возраста, что и наши девочки, и жили они в квартире под нами. В октябре 1959 года из Парижа приехал отец Иоанн Мейендорф с четырьмя маленькими детьми — двумя сыновьями и двумя дочерьми. Атмосфера в семинарии менялась, община росла.

Александр писал докторскую диссертацию для Св. — Сергиевского института и в то же время вел курсы по церковной истории, литургике, гомилетике и др. Работал он в тесном контакте со студентами, стремясь объединить их в одну семью, внести в семинарию живой дух. Сам он много помогал молодым студентам, таким как Давид Дриллок, Павел Лазор, Франк Лазор (ставший позднее митрополитом Феодосием), Фома Хопко. Совсем еще юноши, они приехали из провинции, и большой город им был в диковинку, а те небольшие деньги, которые у них были, они тратили на какие-нибудь гамбургеры и на развлечения. Отец Александр помогал им освоиться в Нью-Йорке, показывал, где можно дешево купить еду и т.п. Мало-помалу студенческая жизнь налаживалась. Создались группы для обсуждения определенных вопросов, устраивались праздники, возникли общие цели. Вспоминаю одну вечеринку, на которой Франк Лазор «заведовал» музыкой: в семинарии был старенький патефон. Из далекого Бруклина приехали несколько девушек, одна из которых, Барбара, в тот же вечер похитила сердце нашего Давида Дриллока. Она выглядела так «круто» в полосатой юбочке и ярко-красном свитере! Еще одним близким к нам студентом был Даниил Губяк. Он незадолго до того женился, и его жена жила в Бруклине у своего брата, пока Дэн делил в семинарии комнату с Алвианом Смиренским, известным своими кулинарными способностями и любовью к чесноку. Наши сербские студенты готовили себе еду в нашей кухне, когда нас там не было. Все это создавало теплую и дружескую атмосферу.

Отца Георгия Флоровского эти перемены очень беспокоили, и между ним и Александром все чаще происходили конфликты из-за непонимания и абсолютно противоположных взглядов на значение и будущее семинарии. В конце концов стало ясно, что ситуация безвыходна. Сначала уехали мы — в полную неизвестность. Но вмешались директора семинарии, и отец Георгий переехал в Принстон, чтобы преподавать там в университете, а профессор Верховской и Александр стали искать новое и постоянное место для семинарии. Одну из комнат в нашей квартире превратили в библиотеку. Как отличалась она от сегодняшней великолепной библиотеки в Крествуде! Семинария уже не могла поместиться в нескольких квартирах.

В жизни нашей семьи тоже происходили перемены. Дети росли. За Аней, нашей старшей, ухаживал один из семинаристов, Фома Хопко, и она принимала его ухаживания, вследствие чего с нашей собакой гуляли чаще и дольше, чем со всеми другими собаками в городе. Окна комнат и Ани, и Фомы выходили на 121-ю улицу, они поставили свои столы так, чтобы видеть, когда кто-то из них выходил на улицу. Аня выводила собаку, и Том оказывался рядом с ней буквально через минуту, гуляли они долго.

Все это время я работала полный день. Начала я работать почти сразу же по приезде в Америку и проработала более сорока лет.

Отец Иоанн Мейендорф каждую вторую неделю проводил в Вашингтоне, в Центре византийских исследований в Думбартон–Оукс, потому что на жалование, которое он получал в семинарии, семью прокормить было невозможно. Его жена растила четырех маленьких детей, жили они в маленькой темной квартирке. Семья Верховских жила прямо под нами. Все мы регулярно боролись с нашествиями тараканов, пока не поняли, что дезинфекцию следует проводить одновременно во всех квартирах, а то тараканы совершенно безмятежно уходили из квартиры, где их хотели выморить, в другую. Все эти заботы не мешали нашей близости, нашему переживанию жизни как ежедневного приключения.

Каждое лето мы проводили в Лабель, ведь и у меня, и у Александра летние каникулы были очень долгими. Александр любил писать на природе, там его труд был особенно продуктивным. Воду мы брали из колодца, туалет был на улице, и, конечно, у нас не было телефона. Но с каждым годом наша жизнь там совершенствовалась. Сначала мы купили за гроши кусок земли. На следующее лето местные фермеры построили для нас дом, архитектором которого была я! До сего дня этим домом пользуются мои внуки, правнуки и дочь Аня с мужем. Для детей это был и есть их первый настоящий дом, их корни. Вероятно, из меня вышел неплохой архитектор! Теперь у Сережи с Маней и у Маши в Лабель есть свои дома, так как вся наша большая семья уже не помещается в одном.

Как я уже писала, я преподавала французский язык сначала в Chapin School, а потом в школе Спенс, где после многих лет в 1975 году меня выбрали директором. Я наслаждалась новой работой, мне нравилось руководить школой. Но вскоре я заболела и перенесла две операции на головном мозге. Это подорвало мои силы, и через четыре года я ушла с поста директора и вернулась к преподаванию, приняв приглашение другой частной школы, где и проработала тринадцать счастливых лет до ухода на пенсию.

Мы жили недалеко от Гарлема, района, населенного черными, начинающегося со 125-й улицы. Однажды Александр шел по одной из гарлемских улиц, и с ним заговорил нищий, высокий черный мужчина с добрым лицом: «Святой отец, прошу Вас, мне бы хотелось с Вами поговорить». Александр сунул руку в карман, протянул ему деньги и сказал, чтобы тот купил себе какой-нибудь еды. «Нет, нет, святой отец, — ответил мужчина. — Мне не нужны Ваши деньги. Я просто хотел бы поговорить с Вами». Александр повел его в кофейню, заказал кофе с булочками и спросил, о чем тот хочет поговорить. «Святой отец, объясните мне, что такое Святая Троица. Кто Они, и почему Их трое?» Александр навсегда запомнил этот разговор, он считал это самой важной богословской, человеческой и божественной встречей в своей жизни и часто задумывался о том, был ли он на высоте, достаточно ли хорошо он ответил на вопрос нищего, получил ли этот человек то, чего так искал.

Александр не раз встречался с жителями Гарлема, и они всегда относились к нему большим уважением из-за его священнического одеяния и с благодарностью за то, что Александр относился к ним как к равным.

Сначала он писал проповеди, потом и передачи на литературные темы — комментарии на произведения русской литературы, размышления о трудах Тейяра де Шардена, творчестве Франсуа Мориака, Жана-Поля Сартра, русских поэтов, таких как Пушкин и Ходасевич, и, конечно, о Достоевском. Александр рассказывал о Коране, об иудаизме, о христианстве, и все это отражало его глубокий интерес к любому человеческому творчеству.

Очень важны для Александра были отзывы, поступавшие из Советского Союза, сообщения о том, что люди действительно слушали передачи и буквально «впитывали в себя» проповеди, которые приобщали их к православной вере, понятным и ясным языком объясняли церковные праздники, передавали любовь Александра к Божией Матери, глубокое почитание Ее. Эти передачи отнимали у Александра много времени, но они приносили столь необходимые нам дополнительные деньги. Однако очень скоро связи, которые возникли благодаря передачам, просьбы о духовной помощи, тайная переписка с Россией стали важной частью жизни Александра.

После смерти Александра, выбирая из сотен текстов этих передач, я решила сфокусироваться на трех темах, это — вера, праздники и Богородица. Одну из самых моих любимых проповедей, о празднике Сретения Господня, Александр написал за три недели до смерти. Выбранные мною проповеди вышли в свет под названием «Торжество веры» в трех небольших томах.

У Александра был очень широкий круг друзей и знакомых, и круг этот расширялся по мере того, как все больше людей находили у него ответы на свои вопрошания и свою жажду духовной помощи. Для них он был прежде всего священником, но в то же время культурным, творческим человеком, которому было интересно общаться и с атеистами, и с верующими, и с иудеями, и со многими другими. К нему тянулись, его слушали и любили очень многие.

Но совершенно особая дружба связывала его с нашим будущим зятем Фомой Хопко, Давидом Дриллоком и Павлом Лазором. И тогда, и сейчас их объединяло полное единомыслие, истинная преданность Церкви. Отец Фома женился на нашей Ане, подарил нам пять внуков, пятнадцать правнуков, служил в трех приходах, вернулся в семинарию сначала как преподаватель, а потом стал ее ректором. Отец Павел Лазор женился на Наташе, очаровательной русской девушке из Калифорнии, и тоже после многолетнего служения в качестве приходского священника вернулся в семинарию. Сегодня он — проректор семинарии и настоятель семинарской часовни. Наш милый Давид Дриллок никуда из семинарии и не уезжал, пока не ушел на покой в 2004 году. Давид был инспектором, профессором музыки, регентом семинарского хора, возглавлял администрацию. Много, существующее сейчас в семинарии, было создано или развито под его руководством: библиотека, книжное издательство и магазин, финансирование, обеспечение нормального ежедневного функционирования растущего учебного заведения. Он ничего не оставлял без своего внимания, всегда был полон энергии и энтузиазма, работая для семинарии, которую так любил.

Крествуд, штат Нью-Йорк

После длительных поисков, приключений, надежд и разочарований место для семинарии нашлось в маленьком городке Крествуде, в графстве Вестчестер штата Нью-Йорк. Это было очень сложно — спланировать, найти деньги на покупку и в конце концов приобрести бывший дом престарелых им. св. Елизаветы. Это здание располагалось в живописной местности, где были даже маленький водопад и маленький ручей под названием Беспокойный. Движущей силой предприятия был профессор Сергей Верховской, а также мой Александр. Оба они, богословы по образованию, только недавно приехавшие из

Парижа, никак не могли считать себя опытными бизнесменами. Но меня до сих пор поражают пронительность и сообразительность в практических вопросах, проявленные обоими в этом деле. Сделка была совершена, акт купли–продажи подписан, и земля отныне принадлежала Св. — Владимирской семинарии. Профессор Верховской (его все с любовью называли просто «Проф») поселился в одном из домов на этой земле. Мы и Мейендорфы жили не на территории семинарии, а рядом, в городке. В этом доме, который купила нам семинария, мы прожили с Александром до его смерти, а я и потом оставалась в нем, пока не переехала в Монреаль, чтобы быть поближе к дочери Маше и к моему любимому Лабель. Энн Зинзель, преданная секретарша семинарии, проработавшая там много лет, пришла к нам работать как раз перед переездом в Крествуд.

Первые годы в Крествуде все занимались всем. Была столовая, при ней — повар. Студенты вели упорядоченную общую жизнь, посещали богослужения и под руководством нового проректора участвовали в организации работы семинарии, выполняя различные задания. Из часовни вынесли лавки, построили иконостас. У Александра прибавилось работы. Особенное внимание он уделял организации богослужebной жизни школы. На первую Пасху в Крествуде на всех службах Страстной недели хором руководила я, а пели Фома Хопко, моя мать, моя дочь Аня и профессор Верховской. К счастью, Давид Дриллок вскоре после этого ушел со своей работы регента в Парамусе (штат Нью–Джерси) и переехал в семинарию, чтобы преподавать церковную музыку и руководить семинарским хором. Начиная со второго года, в Крествуде студенты были обязаны оставаться в школе на Рождество и Пасху, чтобы получить целостный опыт литургического года.

В это время в нашей семье тоже происходили разные интересные события. Аня закончила школу и обручилась с Фомой Хопко. Фоме оставался еще один год до окончания семинарии, и Аня поехала в Париж, поселилась у бабушки (матери Александра) и погрузилась в изучение французского языка и литературы, ожидая, когда Фома закончит в мае учебу. Свадьба была назначена на июнь. 9 июня 1963 года Аня и Фома обвенчались в семинарской часовне. Прием был устроен прямо в семинарии. Тем же летом Фому рукоположили в священника, и молодые Хопко уехали в Уоррен, штат Огайо, на свой первый приход.

Сережу мы поместили в школу–интернат в штате Коннектикут. И Александр, и я учились в интернатах. И мы хотели, чтобы Сережа находился в таком окружении, в котором он мог бы свободно развиваться и расти как личность, а не жил постоянно среди семинаристов и церковных чиновников. Мы хотели дать ему возможность стать частью реального мира, найти свою дорогу, не порывая в то же время связей с семьей и Церковью. Раз в две или три недели мы навещали его. Природа в Коннектикуте замечательная, особенно красиво там осенью. Школа находилась на берегу чудесной реки. Мы забирали Сережу, обедали в деревенском ресторанчике, где подавали изумительный клубничный пирог, много гуляли и, конечно, в качестве зрителей участвовали в многочисленных спортивных событиях. Сережа успешно окончил школу, потом Гарвардский университет, а после Гарварда поступил в Колумбийский университет для подготовки на степень магистра в области российских исследований. Однако его учебу прервала война во Вьетнаме, где он год прослужил в армии. Накануне отправки во Вьетнам Сережа сделал предложение моей очаровательной и горячо любимой Мане Шидловской, и они обручились. Обвенчались они после Сережиного возвращения из Вьетнама в семинарской часовне в день рождения о. Александра, 13 сентября 1970 года. У Сережи и Мани трое детей, двое внуков и очень счастливая жизнь. Сережа работает корреспондентом «Нью–Йорк Тайме» и вместе с семьей провел более двадцати лет за границей: в Южной Африке, России, Гормании и Израиле, сейчас он живет и работает в Париже. За свою журналистскую деятельность он стал лауреатом Пулитцеровской премии и награды Эмми. Как я уже писала, Сережа — автор книги «Эхо родной земли», истории жизни его предков в России.

Моя младшая дочь Маша обручилась с Иваном Ткачуком, тоже семинаристом. Мы объявили об их помолвке на вечеринке по поводу двадцатипятилетия нашей свадьбы. Иван и Маша обвенчались в семинарской часовне 8 июня 1969 года, прием был устроен на лужайке. В августе Ивана рукоположили в священника и направили на приход в Дерби, штат Коннектикут, где родилась их дочь Вера. Ткачуки служат Церкви в разных приходах уже более тридцати лет, в настоящее время отец Иоанн — настоятель церкви иконы Знамения Божьей Матери в Монреале.

Отличительной чертой первых лет в Крествуде было разнообразие ежедневных трудов. Связи с общественностью и обеспечение финансирования семинарии целиком легли на плечи Александра, Сейчас в администрации семинарии этим занимаются разные отделы, перед каждым из которых стоят совершенно определенные задачи. В начале же все административные проблемы решали отец Александр и профессор Верховской. Они неустанно трудились, изыскивали все новые и новые возможности, обеспечивали все необходимое для нормальной работы школы. Тем временем студентов становилось все больше, и появилась необходимость в новых кадрах. Семинария постепенно приобретала репутацию серьезного центра православного богословия в Америке. Отец Павел Лазор стал проректором по делам студентов, Михаил Рошак — первым координатором по развитию и сбору средств. Семинария стремительно превращалась в хорошо организованный институт с крепкой администрацией. Александр не обходил вниманием ни один аспект организации семинарии. Он стремился к тому, чтобы сохранялись традиции, чтобы литургическая жизнь неизменно находилась в центре всей жизни семинарии.

Став ректором, отец Александр начал собирать совет попечителей, который мог бы помочь дальнейшему росту и развитию семинарии. Он заслужил доверие многих замечательных людей, которые с энтузиазмом согласились участвовать в этом деле. Юристы, бизнесмены и представители других уважаемых профессий объединились, чтобы помогать семинарии как финансово, так и в качестве консультантов.

Епископы Американской Православной Церкви часто обращались к отцу Александру за советом и приглашали его на собрания по вопросам управления Церковью. В качестве советника отец Александр помогал епископам справиться с новым положением вещей — ростом Православия в Северной Америке и в мире в XX веке. Он всегда уважал церковную иерархию, но неизменно отстаивал то, что считал правильным и истинным. Иерархия должна была реагировать на ситуацию со статусом приходов и трудностями, с которыми сталкивались постоянно приходские священники, и отцу Александру нередко приходилось по-настоящему бороться, чтобы епископы увидели реальные нужды Церкви. Его обвиняли в авторитаризме, и с этим можно согласиться, поскольку он отстаивал дело, чрезвычайно важное для всей Церкви. Со временем епископы перестали приглашать отца Александра на свои собрания.

Автокефалия

«В конце 1960–х годов само понятие автокефалии обозначалось как «знаменательная буря». Покойный протопресвитер Александр Шмеман вместе с такими светилами, как покойный архиепископ Киприан Филадельфийский и другие, находился в авангарде движения к автокефалии. Они прекрасно понимали, что будут и такие, кто отнесется к этому отрицательно, и такие люди действительно нашлись. Однако они понимали необходимость разрешить проблему отсутствия административного единства раздробленного православного народа в Северной Америке и твердо проводили свою линию, прекрасно отдавая себе отчет в том, что даже если дарование и принятие автокефалии не является оптимальным решением, то это все же значительный шаг в правильном направлении».

Из статьи «Знаменательная буря» протопр. Роберта Кондратика, опубликованной в «The Orthodox Church in America» в марте 2005

Эта цитата описывает долгую, трудную и упорную борьбу, предшествовавшую дарованию Русской Православной Церковью автокефалии Православной Церкви в Америке. Отец Александр был твердо убежден, что для нормального роста и развития Православная Церковь в Америке должна получить официальную независимость от Русской Церкви. Главным препятствием было нежелание многих иметь дело с коммунистической страной. Когда я вспоминаю эти дни, недели, месяцы рождения автокефалии в Америке, я вспоминаю полную самоотдачу о. Александра этой борьбе. Необходимо было быть очень дипломатичным, так как сопротивление подкреплялось эмоциями людей, так много перенесших по вине коммунистов. Иметь дело с коммунистами? Да, и именно для того, чтобы стать от них независимыми! Потеряем ли мы наши корни, наш язык? Будут ли теперь все богослужения всегда проводиться только по-английски? Признает ли мир нашу Церковь? Конечно, все эти вопросы обязательно требовали ответа, но нельзя было терять времени, раз уж процесс начался и набирал обороты — останавливаться было нельзя. Отец Александр и отец Иоанн Мейендорф трудились без усталости, шаг за шагом продвигаясь вперед. В это время разрядки напряженности между США и Советским Союзом появилась некоторая близость. Официально разрешили вести переговоры между американской и русской церковной иерархией. *Saure diem*: нельзя было упустить момент! Как чудо вспоминается тот день, когда обе стороны достигли согласия, и на свет появилась Православная Церковь в Америке! Наступил и день, когда отец Александр позвонил отцу Фоме Хопко и сказал: «Поедем в канцелярию подписывать бумаги». Сам он не поехал в Россию на официальную церемонию, он оставался в тени. Он как бы говорил: «Работа закончена, все остальное — писанина».

Скоро главным языком Церкви стал английский, церковный календарь поменяли на юлианский, и мы смогли праздновать Рождество с большей частью христианского мира 25 декабря (вместо 7 января). Все эти перемены создали много эмоциональных ситуаций, опасались, что из-за этих перемен Церковь исчезнет, что мы компрометируем основы нашей веры. Некоторые группы людей остались в оппозиции к переменам до наших дней.

Следующим шагом на пути к созданию настоящей поместной Церкви была работа с Постоянной конференцией православных епископов в Америке (SCOBA— Standing Conference of Orthodox Bishops in America), направленная на достижение единства всех православных. Но этнические матери—Церкви не хотели — и не хотят до сих пор — отпустить свои Церкви в Америке и предоставить им автономию. До последнего своего вздоха отец Александр надеялся на создание единой Православной Церкви в Америке. Кто знает? Создание Православной Церкви в Америке дало начало этому процессу, ее существование не дает забыть о необходимости полного единства. Архиепископ Греческой архиепископии Иаков и митрополит Антиохийской Церкви Филипп придерживались того же видения будущего Православия в Америке, что и отец Александр, они любили и уважали друг друга.

В это же время отец Александр прикладывал немало усилий к возрождению литургической жизни, к воссозданию такой атмосферы, когда литургия находится в центре нашей веры, нашей церковной и повседневной жизни. Он никогда не считал и не называл это нововведением. Наоборот, он говорил об этом как о возвращении к истокам, ибо Причастие — это истинное сердце и душа христианской жизни. Он знал, что это забытое нами средоточие нашей веры, а не нечто новое.

Православные евангелисты

Однажды отца Александра пригласили в Калифорнию на встречу с группой епископов Евангелической Церкви. На этой же встрече присутствовала группа баптистов, методистов, протестантов и католиков, которые объединились для проповеднической деятельности среди студентов американских университетов и колледжей. Это движение скоро переросло студенческую среду и привлекло к себе всех ищущих и жаждущих найти истину в вере. И они заметили, что, несмотря на то, что они очень ревностно и с большим воодушевлением трудились на миссионерской ниве, после первого всплеска энтузиазма, вызванного их проповедью, люди от них отдалялись. Тогда они начали изучать другие образы веры и другие богословские системы и поняли, что им не хватает очень важной составляющей, а именно веры, в центре которой находятся Таинства и которая ведет к жизни, в центре которой—Христос.

Ядром этой группы были восемь епископов в Беркли, штат Калифорния. Это были необыкновенные люди, прекрасно образованные, благородные и искренние. Они прочитали книгу о. Александра «За жизнь мира» и захотели с ним встретиться. Александра пригласили на воскресную литургию, которую служили в частном доме. Служба была довольно эклектичной, и Александру она очень понравилась! Вернувшись домой, он сказал мне: «Сегодня я встретил группу христиан, которые истинно православные, но еще об этом не знают». Эти христиане выразили желание присоединиться к Православной Церкви в Америке. Александр объяснил им трудный путь, ведущий к осуществлению их желания: препятствия, которые им придется преодолевать, испытания, которые им придется претерпеть, трудность избранного ими пути. Он восхищался их духом, их доверием, их наивностью («Вот мы! Примите нас! Мы хотим только хорошего!»). Но официальная позиция нашей Православной Церкви в Америке была такова: «Вы должны учиться, должны доказать, почему и зачем вам это надо, должны положить...» Однако Антиохийская Православная Церковь, под управлением митрополита Филиппа, приняла их, некоторых из них заново рукоположила в священников, научила их Преданию. Александру было горько, что наша Церковь так холодно к ним отнеслась, можно даже сказать — отвергла их.

Путешествия

О. Александр много ездил и совершил несколько особенно примечательных путешествий. Иногда у меня была возможность сопровождать его. Я опишу только некоторые из этих поездок, не всегда в хронологическом порядке.

Когда умер папа римский Иоанн XXIII, Александр сопровождал епископа Феодосия в Рим для встречи с новым папой, Иоанном–Павлом I. Александр очень радовался этой возможности вновь пройтись по римским улицам, этой неожиданной передышкой, отдыхом. Он ходил по городу часами, никогда не плутая, находя важное и нужное для себя, наслаждаясь каждой минутой близости к истории. Больше всего на свете Александр любил бродить. Где бы мы ни оказывались, будь то Париж, куда мы часто ездили навещать родных, или Греция, или Италия, или Стамбул, где проходила очередная богословская конференция, мы подолгу бродили пешком. Мы отправлялись рано утром и возвращались только к началу конференции или обеду с родственниками и т. п. О. Александр не знал усталости. Помню, как во время одной очень долгой прогулки по Парижу я так устала, что не могла идти дальше и села на край тротуара. Александр исчез в поисках такси, и его не было довольно долго. Когда же он, наконец, появился, у меня еле хватило сил сесть в машину.

Куда бы Александр ни приезжал, он обязательно старался попасть на местное кладбище. Для него кладбище было настоящим уроком по истории. Кладбище Пер–Лашез в Париже было одним из его любимых, там похоронены многие литературные и политические знаменитости. Я живо помню кладбище

в Новом Орлеане — многоуровневые гробницы, повсюду знаки вуду, этакая смесь суеверия и благочестия.

Одно из самых интересных наших путешествий мы совершили в Израиль. Израильское правительство пригласило нас как представителей Православия принять участие в правительственной программе, исследующей отношения правительства Израиля с христианством. Директриса школы предоставила мне оплаченный отпуск, чтобы я могла сопровождать мужа в этой исторической двухмесячной поездке. Мы отправились сразу после Пасхи. Встречали нас с невероятным гостеприимством, предлагали на выбор интереснейшие обзорные экскурсии по стране. Месяц мы прожили в Иерусалиме, посетили Назарет, Вифлеем, Мертвое море, Гору блаженств (место, где была произнесена Нагорная проповедь). Мы встречались с учеными раввинами, с сионистами, с мэром Иерусалима. Никогда еще за время нашей совместной жизни не участвовали мы в таких живых и глубоких дискуссиях, страстных разговорах, как в тот месяц в Иерусалиме. Мы буквально «проживали» Евангелие, находясь на Святой Земле. Путешествия Христа с учениками становились реальностью, и сам воздух был напоен присутствием Христа.

Из Израиля мы отправились в Стамбул, где нас принимал сам Вселенский Патриарх. О. Александра пригласили отобедать с ним и с несколькими хранившими полное молчание митрополитами. Меня проводили в маленькую комнату, где был накрыт миниатюрный круглый столик, и оставили одну в обществе застенчивого краснеющего дьякона, не знавшего, как себя вести с женщиной, чья голова не была покрыта платком, а короткие рукава блузки оставляли руки открытыми, и, притом, чувствовавшей себя совершенно свободно и даже пытавшейся завязать с ним непринужденную беседу. Из находившейся за дверью кухни до меня доносился смех, и разные люди то и дело с любопытством заглядывали в комнату. Еда была ужасной.

И вдруг меня позвали к патриарху. Я поклонилась, встала на колени и поцеловала его руку. И тут на наши головы вдруг опустилось огромное распятие на тяжелой цепи, а патриарх нас благословил. Александр отнесся к этому совершенно спокойно, а я буквально застыла. К счастью, один из присутствовавших там митрополитов (и зачем там много молчаливых митрополитов?!) убрал распятие, и мы покинули патриаршие покои. Когда мы подходили к воротам, то увидели, что через забор летит всякий мусор. Нам сказали, что турки бросают его каждый день, протестуя таким образом против присутствия греков в Турции. Вселенский Патриархат в Стамбуле... величие и упадок, выпадение из времени и реальности, в нашем понимании — нелепое явление, но в то же время утверждение верности тому, что было, есть и должно быть, независимо от хода истории и громогласных заявлений окружающего мира.

В отеле «Хилтон», где мы остановились, мы познакомились с бизнесменом, который любезно предложил показать нам город. За один день мы увидели танцующего медведя, древние городские стены, Айю–Софию, пили чай из турецкого самовара, встретили человека, несущего на спине пианино и продающего воду из огромной бутылки, нашивая ее в маленькую медную чашечку. Экзотическая (для нас) атмосфера Турции поразила нас.

Из Турции мы отправились в Рим и с наслаждением обошли все его улицы. По дороге домой мы решили остановиться в милом нашем Париже, повидаться с родными и, конечно, погулять по городу, который мы так хорошо знали и так любили. После двух месяцев ярких впечатлений, сильных эмоций и новых встреч мы наконец–то вернулись домой.

Почти каждый год мы ездили в Париж. В Рождество, после семейного празднования в Крестовде, мы бросали дом в полном беспорядке: полы, засыпанные оберточной бумагой, крошки печенья, остатки еды и т. п. — все это прибирали уже без нас наши дети. В самолете мы расслаблялись, настраивались на

другую волну, самолет — это мирная гавань и покой после суеты окончания семестра, рождественских приготовлений и празднеств. Часы в воздухе готовили нас к парижской жизни — званым обедам, ужинам в ресторанах, встречам с родными и старыми друзьями. Причудливая канва наших жизней становилась в Париже еще причудливей. Наше прошлое было тесно связано с Парижем, но в настоящем мы были американцами. О. Александр нуждался в этих визитах в Париж больше меня. Здесь он мог отвлечься от многочисленных забот и обязанностей, мог бродить в свое удовольствие по любимому городу, заходить в любимые книжные магазины, читать французские газеты за столиком в кафе. Для него это был настоящий отдых.

Благодарю Тебя, Господи, за эти поездки и за нашу жизнь, такую богатую, интересную и полную любви! Мы видели такую красоту, мы смогли краем глаза взглянуть на Царство Божие! Но особенно это относится к нашей домашней жизни.

Домашняя жизнь

О доме я храню собственные сладкие воспоминания, которые дороги мне до сих пор. Я начинала свой день раньше о. Александра, поэтому, позавтракав, я приносила ему чашку кофе, и мы полчаса болтали, или, скорее, спорили. Эти разговоры, конечно, незапланированные, затрагивали множество тем и нередко получались довольно страстными и интересными. Например, Александр мог назвать меня либеральной феминисткой, а я начинала приводить аргументы в пользу такой позиции, хотя на самом деле я вполне послушная жена и в душе очень консервативна. Мы разговаривали о современных фильмах (на просмотр которых у обоих не было времени), текущих событиях, поэзии (французской, русской, английской, одинаково любимой Александром) и о чем угодно, на что хватало нашего драгоценного получаса. После поездки за границу мы бесконечно обсуждали правила и запреты евреев, некоторые вполне варварские черты некоторых нами встреченных турок, необыкновенно душную атмосферу Айи–Софии. Мы снова и снова переживали наши впечатления от Святой Земли, где мы «видели» Иисуса Христа, идущего с учениками по пустынным холмам, и впечатления от современного Израиля, страны, находящейся в состоянии войны, народ которой испытывает и страх, и ненависть.

Я не хочу представить нас безнадежными интеллектуалами, постоянно ведущими умные разговоры. Мы просто наслаждались временем, которое могли провести вместе, возможностью «зарядиться энергией» на предстоящий день, ощутить, что все хорошо, что мы вместе. Дом давал нам обоим ощущение стабильности, «нормальности» бытия. Наша жизнь была заполнена не только работой, но и самыми разнообразными делами и обязанностями, особенно жизнь о. Александра. Об этом он подробно писал в своих «Дневниках».

Я много лет работала в школе, и, в конце концов, стала руководителем большой частной школы. Как я уже писала, за четыре года в этой должности я перенесла две операции на головном мозге, и жизнь нам предстала в иной перспективе — один из нас умрет! Но Александр сказал мне: «Не беспокойся, ты поправишься. Столько людей за тебя молятся, они не хотят, чтобы я стал епископом». В больнице Александр не отходил от моей постели. Мы постоянно играли в карты, обыкновенно в «дурака», игру, в которой я всегда выигрывала. И я поправилась.

Александр любил служить, учить, проповедовать. Все остальные его обязанности требовали от него постоянного усилия. Его поездки в колледжи и университеты, в приходы, в гости к бывшим студентам утомляли его. Ему всегда хотелось остаться дома, но он неизменно принимал приглашения и ехал, а, возвращаясь, каждый раз с воодушевлением говорил: «Я встретил так много добрых, чудесных, радостных людей!» Возвращался домой он всегда с огромной радостью.

Время идет

Наши дети выросли, покинули дом и вели свою собственную взрослую жизнь. Аня с мужем, о. Фомой Хопко, открыла для нас совершенно новую грань бытия — мы стали бабушкой и дедушкой. Первый наш внук, Джон Хопко, позже стал священником и много лет верно служил митрополиту Феодосию в должности секретаря. Наша младшая дочь, Маша, тоже вышла замуж за семинариста и родила дочку Веру. Сережа покинул дом, чтобы служить своей стране во Вьетнаме, а по возвращении женился на Мане Шидловской—Александр одобрял решение сына отправиться во Вьетнам. Он считал, что страна, которая встретила нас с таким гостеприимством и подарила нам полную свободу, — это наша страна, и теперь она находится в состоянии войны, и наш долг и обязанность— служить ей. И если это значит, что воевать пойдет наш единственный сын, то так тому и быть. Александр был настоящим патриотом и гражданином. Мы оба высоко ценили американское гражданство. Многие годы жизни во Франции в анкетах в графе «гражданство» мы писали «нет». В какой-то степени мы гордились этим «нет», поскольку таким образом мы подтверждали свое русское происхождение и верность прошлому, которое никто не может у нас отнять. Но по приезде в США мы всем сердцем приняли нашу новую страну и с чувством гордости получили американское гражданство, как только это стало для нас возможным. Дети наши стали американскими гражданами автоматически вместе с нами. Я горжусь тем, что сама выбрала страну и стала ее гражданином, потому что верила в ее ценности. На экзамене, предшествовавшем получению гражданства, нас просили назвать имя первого президента США и написать предложение «Я иду в школу». Я помню, как рассматривала сидевших рядом с нами людей и думала о том, что слово «школа» (school) написать не так-то легко. И вот мы получили американские паспорта и вместе с ними обязательство и обязанность способствовать благополучию выбранного нами дома. Наш патриотизм соответствовал миссионерскому рвению Александра и моей учительской деятельности в Америке.

Внуки скоро стали постоянным источником радости для нас. Александр влюблялся в каждого нового малыша. Помню, как он терпеливо укачивал маленького Джонни, тихонько ему напевая (несколько фальшивя). В тот день, когда родился маленький Александр Шмеман, его радость стала совершенной. Помню, как мы пришли в больницу и боялись спросить, как назвали малыша. «Вы что, не знаете? Конечно, Александром!» Но для нас не могло быть никакого «конечно»! Нам и в голову не пришло бы лезть в таком деле со своими советами или просьбами.

В воспитании собственных детей Александр никогда не пытался сам принимать решения. Вопросы выбора школы, предметов, дополнительных занятий и даже дисциплины решала я. Должна сказать, что у нас великолепные дети — жизнерадостные, веселые, любящие, добрые по натуре. Для них их отец был отцом, они все были близки с ним и любили его. Он тоже очень их любил и гордился каждым из них. Главным воспитателем, «командиром» была я. Честно говоря, я бы и не смогла по-другому, потому что я была и есть по характеру довольно властная и мне нравится командовать! Именно поэтому мне нравилась и удавалась работа начальницы школы, в которой было сто сотрудников, шестьсот сорок пар родителей, совет попечителей и т. д. Но я никогда не командовала Александром, да это бы у меня просто и не получилось. Он жил в своем собственном ритме, по своему собственному расписанию, у него были собственные пристрастия и идеи. Мы были друзьями, близкими друзьями. Когда мы собирались куда-нибудь вместе вечером пойти, он всегда спрашивал: «Куда тебе хочется, Льяна?» Возможно, он знал, что я все равно настою на своем, но думаю, что он просто был очень добрым человеком. И это его отношение способствовало безоблачному миру в нашем доме. Он предпочел бы пойти в ресторанчик «У Натана», где подавали его любимые «хот доги», или в другой простой ресторан. Он любил сесть за деревянный стол на скамейку, заказать что-нибудь незатейливое и расслабиться. Я же предпочитала разнообразное

мению, изысканные блюда, красивую скатерть. До сих пор я сожалею, что не часто баловала Александра простой едой в простых ресторанах. В дорогих ресторанах он всегда заказывал стейк, какие бы другие заманчивые блюда не предлагались в меню. Единственное разнообразие допускалось в выборе соуса, чаще всего перечного. Любимым десертом для него был яблочный пирог с шариком мороженого. Сама я никогда не пекла для него яблочных пирогов, так и не научилась их готовить, и об этом я тоже теперь жалею. Александру нравилось, что меня выбрали начальницей школы. Он всегда меня поддерживал и терпеливо выслушивал мои рассказы о школе. Когда мне приходилось всю неделю, с понедельника по пятницу, проводить в квартире на Парк-авеню в Нью-Йорке, которую мне предоставляла школа, Александр с радостью пользовался этой возможностью побыть несколько дней в городе. Он даже устроил для себя в квартире уютный кабинет. Каждую свободную минуту мы использовали для прогулок, бродили по всему городу, ходили по магазинам, подкрепляясь бутербродами в кафе, одним словом — наслаждались городской жизнью, которую мы оба предпочитали жизни в пригороде. Эти «побеги» в город давали возможность Александру работать без помех, и многие его статьи и главы книг написаны именно в этой квартире. Четыре года я возглавляла школу, пока не пришлось ее покинуть по состоянию здоровья. И мы переехали обратно в Крествуд. Теперь я понимаю, каким гибким был Александр, как умел приспособливаться к любым условиям. Его жизнь была очень загруженной, трудной, но он никогда не испытывал неудобств от того, что и я отдавала много времени своей работе. На самом деле та недолгая жизнь в городе позволила нам обоим познакомиться с совершенно иным образом жизни: нью-йоркским высшим обществом, людьми, никак не связанными с Церковью, американцами, работающими в области образования. Мы никогда не были частью этого мира, но нам было интересно встретиться с ним.

Солженицын

Когда Александра Солженицына выслали на Запад после выхода в свет его книги «Архипелаг ГУЛАГ», Александр с удивлением получил письмо из Цюриха с приглашением провести вместе с ним несколько дней в горах. Оказалось, что Солженицын много лет слушал передачи Александра по радио «Свобода» и чувствовал своего рода родство и близость с ним, как в идейном плане, так и в личном. Для Александра эта встреча означала очень многое. Он почувствовал, что поистине находится в обществе героя, человека, полностью посвятившего себя раскрытию правды о России, о русском народе. Александр навсегда остался его поклонником. Он знал, что это великий писатель. Во взглядах на западное общество Солженицын не всегда был прав, но никогда не менял своего мнения. И на русскую революцию и ее причины у него был вполне твердый, устоявшийся взгляд.

Итак, Александр поехал в Швейцарию, в горы, где не было людей, телефонов, газет. И это было необыкновенно. Он оказался с глазу на глаз с Солженицыным, который очень трогательно заботился о том, чтобы гостю было удобно, занимался приготовлением пищи. Но в то же время он не терял ни минуты времени. Пустая трата времени, бессодержательная болтовня для Солженицына были равны греху. Он немедленно начал задавать Александру вопросы о Церкви, церковной истории и т. д. Они ходили гулять, и Солженицын собирал цветы и ставил их в простой стакан. Потом он предлагал Александру яблоко, говоря, что это очень полезно. И никогда не ешьте соль, это вредно! «Но в Евангелии сказано: «Вы соль земли...», — заметил своему новому другу Александр. Солженицын признал, что ему придется, видимо, еще раз подумать об этом. Во многом Солженицын напоминал ребенка, оторванного от нормальной жизни, даже презирающего эту нормальную жизнь как ненужную роскошь. Для него работа отождествлялась с долгом. А работать нужно только для России, все остальное было просто тратой

времени. По возвращении в Цюрих Александр отслужил Божественную литургию со всей солженицынской семьей — женой Натальей, ее матерью Катей и тремя сыновьями.

Когда Солженицын приехал в Северную Америку в поисках постоянного пристанища, Александр повез его смотреть Квебек. Солженицыну там очень понравилось, он даже сказал, что мог бы здесь жить, но политические беспорядки в Квебеке и в Канаде заставили его передумать.

Во время этой поездки они заехали и на наше любимое озеро в Лабель. Солженицын настоял на своем участии в ведении домашнего хозяйства и выносил, по мере надобности, мусор. Для сна он выбрал раскладушку.

Но история нашей русской общины его совсем не интересовала. Ему было нужно только то, что требовалось для его работы для России, для раскрытия правды об истории России и для планирования ее будущего.

В конце концов, Солженицын поселился в Вермонте. У него был огромный участок, окруженный проволочным забором, ворота были оснащены системой безопасности. На участке стояли два дома, соединенные подземным коридором, один жилой, а другой — для работы. Кабинет его располагался на верхнем этаже, он был очень просто обставлен, не было ничего лишнего. На нижних этажах помешались книги, типографское оборудование (его семья сама набирала его книги), исследовательские материалы.

Когда Александр приезжал к нему, то служил литургию в маленькой часовне, предварительно приняв исповеди. Потом они вместе работали над тем, что Солженицын недавно написал. Солженицыну нужно было мнение Александра по тем вопросам, которые сам он знал не досконально, но в которых Александр прекрасно разбирался. После работы семья садилась ужинать, все, кроме самого Солженицына, который продолжал работать до ночи. После ужина сыновья Солженицына, Ермолай, Игнат и Степан, играли на рояле и читали стихи. Игнат играл превосходно, сейчас он известный пианист и дирижер. Стихи мальчики читали с выражением и очень осмысленно.

Александр всегда считал Солженицына великим писателем, но не разделял его слепого патриотизма и сильных антизападных настроений.

Литургия и жизнь

Раннее утро, тихая литургия. О. Александр никогда не бывал так счастлив, просто счастлив, как тогда, когда готовился к литургии в будний день. Он шел пешком в семинарию, входил в пустую церковь, смотрел на падавшие сквозь окно первые лучи зимнего солнца и радовался тихой, молчаливой встрече с алтарем, поправлял покровы, зажигал свечи... Он знал, что скоро начнут приходить люди — сослужащие священники, нервные дьяконы, хористы, сонные студенты, и он был к ним готов. Он часто говорит о том, как любит эти тихие утренние часы. Весь день, каждый день его одолевали телефонные звонки, визиты, проблемы. Но ранняя литургия была благословенным временем, проведенным в Царстве Небесном. Для него в этом было все — радование природе, возможность освободиться от повседневных забот, стояние у Креста, высшее счастье Причастия у алтаря, ибо именно здесь с самого раннего детства желал он находиться, отсюда он проповедовал Царство Божие, здесь он больше всего страдал и острее всего радовался. Почему страдал? Потому что здесь он особенно явственно ощущал неудовлетворительность, недостаточность своей жизни, своей деятельности, своей проповеди, ощущал несоизмеримость их с Царством Божиим, в котором он находился во время литургии и которое есть любовь, и мир, и благодарение.

Вспоминаю, как во время одного из наших утренних разговоров я задавала Александру множество вопросов о смерти: что происходит через три дня? в чем значение девятого дня? что такое чистилище? что будет на Страшном Суде? и т. п. Меня все больше раздражало отсутствие ясных ответов, я начинала сердиться. И тут Александр повернулся ко мне и очень серьезно сказал: «Ляна, не подглядывай!» — и продолжил цитатой из послания апостола Павла к коринфянам: «...не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (2:9). Как часто он приводит эту цитату с полной верой, доверием и предвкушением! Он был интеллектуалом, мыслителем, но я знала, какой простой и доверчивой была на самом деле его вера. Эти слова — «Не подглядывай!» — являют, как простая сила веры и уверенность в незаслуженном милосердии Божиим позволяют нам достичь Царства Божия: «Господи, хорошо нам здесь быть!»

Больше всего Александр любил служить, учить и, особенно, писать. Но времени на все катастрофически не хватало. Ему приходилось писать под давлением обстоятельств, его всегда поджимали сроки, к которым нужно было славать материал. В Лабель, во время каникул, он проводил большую часть дня за письменным столом. Но служить у алтаря было для него высшей радостью, и эту радость он умел передать окружающим — студентам, коллегам, семье. Мы все делили с ним эту радость. Именно благодаря Александру Давид Дриллок научился понимать, любить, переживать церковные службы с немеркнувшей радостью и даже через двадцать лет после его смерти подходил ко мне после утрени Страстной среды, на которой поется особый, очень красивый канон, и говорил мне: «Матушка, я знаю, что отец Александр был сегодня с нами», а после кондака Вознесения: «Помните, как отец Александр его любил?» Так что теперь, размышляя о том, что было истинным центром жизни Александра, я могу с полной ответственностью сказать: Божественная литургия у алтаря Господня.

Александр часто ездил навестить своих бывших студентов, он любил их и делал все возможное, чтобы поддержать молодых священников. Один раз Александр сослужал с одним из таких своих бывших учеников, антиохийцем, на архиерейской Божественной литургии. Этот молодой священник делал так много ошибок! После литургии, сняв облачение, растрепанный, потный, счастливый молодой человек вышел к своим прихожанам и сказал: «Я научился всему, что знаю и умею, у любимого мною отца Александра!» Александр внутренне поежился и усомнился в том, что тот научился в семинарии хоть чему-нибудь. Но второй мыслью его было то, что, несмотря на все ошибки и огрехи в службе, антиохиец знал «единое на потребу», а именно — он любил Господа.

Александра часто приглашали читать лекции в католических или епископальных семинариях и церквях. Вселенский характер христианства в Америке, терпимость, разнообразие и заинтересованность такого большого числа людей наполняли Александра бесконечной благодарностью. Ехал туда он обычно неохотно, устав от многочисленных дел, но возвращался вдохновленный и полный сил: «Где двое или трое собраны во Имя Мое...»

Всю жизнь Александр очень много читал. Разнообразие его интересов поражает, но можно отметить, что больше всего он любил мемуары, дневники, биографии и автобиографии. Глубина и разнообразие человеческих жизней увлекали его. Он читал об атеистах, никогда не обрушиваясь на них с критикой, но пытаясь понять, как и почему человек придерживался таких взглядов. Он читал о гомосексуалистах, политиках, богословах, евреях, мусульманах. Никогда он не судил тех, о ком он читал. Он мог отмечать слабые стороны, фальшивые нотки, неубедительные аргументы и точки зрения, но никогда не осуждал. Он действительно давал всем шанс убедить себя, не просеивая чужие идеи сквозь фильтр собственных убеждений. Поэзия была не только близка его сердцу, она была частью его. Обладая прекрасной памятью, он наизусть читал Верлена, Пушкина, Тютчева, Роберта Фроста, Каммингса, Рембо и др.

Александр интересовался и политикой, особенно самими личностями политических деятелей, с интересом следил за выборами (пройдет? не пройдет?), никогда, впрочем, не увлекаясь узкопартийными страстями. Он действительно был настоящим демократом, уважающим способность американского народа выбирать и потом принимать результаты выборов. Следил он и за французской политикой, регулярно читал еженедельники «Экспресс», «Ле Пуант» и др.

Собираясь на лето в Лабель, Александр с пристрастием подбирал книги для летнего чтения. Он никогда не скупился покупать книги, и дом был полон книг, отражающих разносторонние интересы хозяина. Его прекрасная память хранила имена, даты, события и т. д. «О да, это тот, который написал...» Бывая в Париже, он бродил по любимым книжным магазинам, таким как «Либрери Галлимар», а рыться в книгах было его любимым занятием, и я до сих пор вспоминаю с долей стыда, как мне иногда приходилось его торопить.

На протяжении своей жизни Александр несколько раз брался за ведение дневника. Первый дневник относится к годам его юности. А дневник, начатый в 1973 году, он вел до самой смерти. Писал он для того, что «соприкоснуться с самим собой». Этот дневник впускает читателя во внутренний мир Александра, показывает, как он жил последние десять лет своей жизни. Посредством дневника он наблюдал людей, жил с ними, общался с миром. Дневник — это не пристальный анализ самого себя, а скорее способ увидеть себя в контексте всего творения, способ «объяснить» себя себе самому.

Всю жизнь Александра окружали друзья. Эти друзья принадлежали к самым разным слоям общества.

Какое-то время нас просто осаждали диссиденты, приехавшие из Советского Союза. Александр привлекал их своим гостеприимством, широтой взглядов, ясными убеждениями и пониманием того, что им пришлось пережить на родине. В пасхальную ночь они приезжали в семинарию, а после ночной службы собирались в кабинете Александра с водкой и колбасой. Курили они так много, что скоро кабинет наполнялся дымом. И эти люди, среди которых было много неверующих, или еще не верующих, были и евреи, и бывшие марксисты, тем не менее, оказывались способны полностью разделить с нами радость Пасхи, ту радость, которую излучал Александр, несмотря на жуткую усталость после Страстной недели.

Иногда я боялась, что из Александра буквально «выпьют» жизнь. Но он обладал удивительной способностью восполнять энергию посредством чтения и тишины, которых, впрочем, было так мало! Несколько часов утром между утренней и первой лекцией, дорога до семинарии и обратно, наслаждение свежеснеженным снегом, быстро промелькнувшая перед глазами сквозь ранний утренний туман картина из чужой жизни в освещенном окошке одного из домов, — все это обновляло дух Александра и готовило его к новому дню.

Лак Лабель

Теперь я расскажу о Лабель. Сразу хочется писать возвышенным и торжественным слогом, позволить себе быть романтической и сентиментальной. Подобные чувства были с детства присущи моей русской душе, но картезианское рациональное образование во Франции многое сделало, чтобы их искоренить.

Впервые мы приехали в Лабель в 1952 году, через год после переезда в США. И тогда, и сейчас Лабель — это крошечная деревушка с одним светофором, несколькими продуктовыми лавочками, старомодным хозяйственным магазином, где до сего дня можно найти абсолютно все, что только может взбрести в голову. Озеро, длинное и узкое (четырнадцать миль в длину, а в ширину его запросто можно

переплыть), расположено примерно в пятнадцати минутах езды на машине к северу от деревни. Когда мы приехали, на нашей стороне озера проходила узкая грунтовая дорога, сейчас она заасфальтирована, но по-прежнему тряская и часто требует ремонта. На другой стороне озера—покрытые лесом холмы, люди начали там селиться только двадцать лет назад. А в начале мы слышали оттуда по ночам вой волков и знали, что медведи предпочитают наведываться за малиной как раз в то место, где мы любили ее собирать. Нас предупреждали: «Берите с собой колокольчик, это их отпугнет!» Местные жители рассказывали многочисленные истории о тех, кто нечаянно оказывался в малиннике вместе с медведями. В Лабель нас пригласили Сергей и Люба Трубецкие, когда мы еще жили во Франции. Их имение находится примерно на уровне середины озера. Нашей семье отвели одну большую комнату и одну маленькую спальню. В коридорчике стояла маленькая электрическая плитка с двумя конфорками, одна из которых не работала. Водопровода в доме не было, воду брали из колодца. Туалет располагался на улице, а стирали прямо в озере, там же и купались.

В первое же наше лето там Трубецкие выделили нам участок земли, и на следующее лето мы начали строить собственный дом. Отделочные работы мы взяли на себя, и нам очень помогли старшие дети, Аня и Сережа. Они укладывали линолеум, клеили на стены обои, шили занавески, строили полки. Вся семья участвовала в постройке и обустройстве дома. Мебель мы покупали с рук, и нам повезло найти настоящие сокровища, например, дубовый обеденный стол за пять долларов и восемь массивных дубовых стульев по одному доллару каждый (мы пользуемся ими по сей день).

Как только мы приехали, Сергей Трубецкой построил маленькую часовню, и Александр начал в ней служить. Обязательной была и литургия посреди недели. Именно после одной такой литургии часовня и сгорела. В тот день дул сильный ветер, огонь бушевал, это было очень эффектное зрелище. Все соседи образовали цепь от колодца к часовне. Надо было спасти от огня дом и амбар, стоявшие рядом с часовней. Всю воду из колодца вычерпали, огонь потушили. Постройки уцелели, но от часовни остались только часть колокольни и икона св. Сергия, которому часовня и была посвящена. Александр и Люба Трубецкая отправились в Монреаль, чтобы сообщить об этом Сергею Трубецкому, который всю неделю там работал. Он выслушал их, помолчал минуту и сказал: «Ну и что, мы построим новую церковь!». И работы по возведению новой церкви начались немедленно. А в следующее воскресенье после пожара литургию служили в большой палатке.

Для нас Лабель был раем — далеко от городской жизни, великолепная девственная природа, чистейшее озеро, округлые холмы, березы, сосны, поля, даже ферма с коровами, старой лошастью, шумными гусями и постоянно квохчущими курами. Мы пили парное молоко, у нас были свежие сливки, яйца. Дети жили на воле. К каждому из них приезжали друзья, и наш дом всегда был полон детьми, которых надо было кормить и за которыми надо было как-то приглядывать. Благодарю Бога за консервированную ветчину и картофельное пюре! Питались мы просто и жили весело.

Александр в деревне придерживался строгого распорядка дня. Утром он писал, читал, размышлял. Сначала, пока мы не построили свой дом, он уходил для этого в школьное здание, примыкавшее к владениям Трубецких. После обеда мы шли гулять и уходили довольно далеко, исследуя окружающие места. Как я писала раньше, эти прогулки продолжались до самого последнего его лета в Лабель, и мы придумывали наименования своим маршрутам, которые отражали их какие-нибудь отличительные черты. Например, один маршрут назывался Chemin des Ruines (тропой развалин), потому что там был фрагмент старой каменной постройки, напоминавший нам о знаменитых европейских руинах. О «Версале» я уже упоминала.

Детям была предоставлена полная свобода, однако определенные занятия были обязательными. Например, я читала им по-русски каждый день после обеда, обычно в тени прекрасного старого вяза. Закон Божий тоже был частью ежедневных занятий. Александр надевал белую рясу и собирал всех детей. Каждый раз они выбирали для своих занятий новое место, но всегда под открытым небом. Один раз они ушли заниматься далеко в лес, потому что дети построили там шалаш. Детей было много, свободного времени у них было предостаточно, и они придумывали себе всяческие интересные занятия, фантазия их была творческой и созидательной. Они основали «Лабельский клуб», который ставил спектакли, выпускал газету, даже построил индейскую деревню с вигвамами. Взрослые тоже прекрасно проводили время. Для меня Лабель — это уголок моей души, в котором всегда живет предвкушение рая. И то же можно сказать об Александре. Для нас Лабель — это церковь, озеро, крещения, венчания, последние прощания, горе и радость. И, продолжая наслаждаться нашим летним раем, мы всегда чувствуем присутствие тех, кто уже нас покинул.

Последний путь

Какими неполными и отрывочными кажутся мне мои воспоминания! Я так реально ощущаю присутствие Александра в своей жизни. Я стараюсь быть объективной, но как мне это делать? Ведь мы с ним всегда были — одно целое!

Это ощущение единства было, вероятно, самым ярким, самым ощутимым чувством во время болезни Александра и его последнего пути, пути в Царство Божие. После нескольких недель странных головокружений, постоянной головной боли и общей слабости мы с Александром посетили нескольких врачей, которые поначалу объяснили все это «стрессом»(!). В конце концов исследования обнаружили несколько опухолей в мозгу. Оказалось, у Александра был рак легких, уже давший метастазы в мозг. Александр, наша дочь Аня Хопко и я были вместе, когда врач сообщил результаты анализов. Мы вернулись домой, и Александр сразу же позвал к себе отца Фому Хопко, Давида Дриллока и отца Павла Лазора и сказал им о своей болезни. Потом он позвонил митрополиту Феодосию, а через два дня его положили в больницу на полное обследование и проведение курсов облучения и химиотерапии. Я вспоминаю эти дни как время полного спокойствия, серьезности, трезвости; мы как-то сразу оказались на совсем другом уровне жизни. С самого начала нам с Александром не нужно было говорить о том, что происходит.

Приехал брат Александра Андрей, и Александр показывал ему, как идет строительство новой церкви. Он был энергичен и казался таким здоровым! Он выглядел очень хорошо, несмотря на то, что после химиотерапии и облучения все его волосы выпали.

Александр всегда просил Бога о том, чтобы Он даровал ему перед смертью период болезни. Я думаю, что вся его жизнь оказалась бы в каком-то смысле незавершенной, если бы он умер внезапно. Кто-то передал мне его слова: «Сначала я почувствовал себя так, как будто меня ударили по голове, но позже понял, что именно этого не хватало в моей жизни. Не болезни как таковой, а происходящей перемены, иного образа бытия».

Последнее лето мы провели в Лабель. Александр писал, читал, гулял, но все время находился на каком-то ином уровне жизни. Он постепенно переходил «туда», переходил мирно, тихо, никогда не жалуясь и не тратя времени на пустые разговоры. Александр — так любивший и умевший говорить! — молчал. Я ощущала это молчание, эту тишину, уважала ее и просто была рядом, предлагая то

единственное, что могла предложить: молчаливую поддержку, покой и бесконечную любовь. Это было просто, потому что сам он был сильным, спокойным и любящим.

Силы постепенно оставляли отца Александра, сеансы химиотерапии вызывали дурноту, он все хуже себя чувствовал. Через год лечения, в середине ноября 1983 года, Александр написал текст для радио «Свобода», который должен был пойти в эфир в праздник Сретения Господня. Эта проповедь, которую я здесь целиком привожу, — собственное его «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко...».

Как необычен, как прекрасен этот старец с Ребенком на руках, как странны слова его: «Вот, видели очи мои спасение Твое...»

Мы вслушиваемся в эти слова и постепенно начинаем постигать глубокий смысл события, его отношения к нам, ко мне, к нашей вере.

Что на свете радостнее встречи, «сретенья» с тем, кого любишь? Действительно, жизнь есть ожидание. Но тогда не символ ли это высокого и прекрасного ожидания, не символ ли это длинной человеческой жизни? Этот старец, всю жизнь ожидавший такого света, который озарил бы все, такой радости, которая все наполнила бы собою? И как удивительно, как несказанно хорошо, что свет и радость, что ответ дан был старцу Симеону через Младенца. Когда представляешь себе эти дрожащие старческие руки, принимающие любовно и осторожно Сорокадневного, глаза, устремленные на Это маленькое существо, и все заливающую хвалу: «Теперь Ты можешь отпустить меня с миром. Я видел, я в своих руках держал, я обнимал То, что заключает в Себе сам смысл жизни».

Он ждал. Он ждал всю свою длинную жизнь. И не значит ли это, что он думал, молился, углублял это ожидание, так что наконец вся его жизнь стала одним накануне радостной встречи.

И не пора ли спросить себя: чего же жду я? О чем все сильнее напоминает мне сердце? Преображается ли постепенно эта моя жизнь в ожидании встречи с главным? Вот вопрос Сретения. Здесь жизнь человеческая явлена как прекрасное созревание души, все более и более свободной, все более глубокой, все более очищенной от всего мелочного, суетного, случайного. Тут само старение и увядание, земной удел каждого из нас, показано так просто и убедительно — как рост и подъем до того последнего мига, когда от всей души, в полноте благодарности я говорю: «Ныне отпускаеши». Я видел свет, пронизывающий мир. Я видел Младенца, Который несет в мир столько Божественной любви и отдает Себя мне. Нет страха, нет неизвестности. Есть только мир, благодарность и любовь.

Вот что приносит с собою праздник Сретения Господня. Праздник встречи души с Любовью, встречи с Тем, Кто дал мне жизнь и силу преображать ее в ожидание.

Последний раз Александр служил литургию в День Благодарения 24 ноября 1983 г., буквально за две недели до смерти. Он поблагодарил всех за их молитвы за него и сказал, что здоров. Некоторые усомнились в том, что он понимает правду о своем состоянии, но я знала, что он просто имел в виду свое истинное здоровье.

Потом он вынул из кармана три рукописных листочка и прочитал благодарственную проповедь:

Всякий, кто способен благодарить, достоин спасения и вечной радости.

Благодарим Тебя, Господи, что изволил принять службу сию, Евхаристию, приносимую Святой Троице, Отцу, Сыну и Святому Духу и наполняющую наши сердца радостью, миром и праведностью во Святом Духе.

Благодарим Тебя, Господи, что Ты открыл Себя нам и дал нам предвкушение Твоего Царствия.

Благодарим Тебя, Господи, что Ты соединил нас друг ко другу, в служении Тебе и Твоей святой Церкви.

Благодарим Тебя, Господи, что Ты помог нам преодолеть все трудности, напряжения, страсти и искушения, восстанавливая среди нас мир, взаимную любовь и радость в общении Святого Духа.

Благодарим Тебя, Господи, за посланные нам страдания, ибо они очищают нас от самости и напоминают нам об «едином на потребу», о Твоем вечном Царствии.

Благодарим Тебя, Господи, что Ты нам дал эту страну, где мы можем свободно служить Тебе.

Благодарим Тебя, Господи, за эту школу, где возвещается имя Бога.

Благодарим Тебя, Господи, за наши семьи: за мужей, жен, особенно за детей, которые учат нас, как славить имя Твое святое в радости, движении и святой возне.

Благодарим Тебя, Господи, за всех и за все. Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои и нет слова достойного воспеть чудеса Твои!

Господи, хорошо нам здесь быть.

1 декабря, на последней встрече с членами Попечительского совета, Александр поблагодарил их и сказал: «Позаботьтесь о семинарии!»

После этого он быстро стал слабеть, и его положили в больницу, где мне разрешили постоянно находиться у его постели. Буквально через несколько дней он ясно сказал мне: «Льяна, я хочу домой».

И я отвезла его домой. Собралась семья. Из Москвы приехал Сережа с женой и детьми, брат–близнец Андрей прилетел из Парижа, Маша с мужем–из Канады. Аня и отец Том жили и работали в семинарии и постоянно были рядом.

Пока Александр умирал, митрополит Феодосии, Давид Дриллок и вся семинария готовились к похоронам. Все уроки и экзамены были перенесены на более позднее время. Все занимались организацией служб, печатали репродукции икон и письма, и все получилось очень красиво.

13 декабря 1983 года Александр тихо умер, окруженный своей большой семьей.

Отпевали Александра одиннадцать епископов, девяносто священников и огромное количество народа. Церковь была заполнена до отказа, кто не смог попасть внутрь — шел в нижнее помещение, в котором были установлены репродукторы и экран, на который транслировалась служба, и благодаря этому все могли в ней участвовать. Панихиды отслужили архиепископ греческой Церкви Иаков и митрополит Антиохийской Церкви Филипп. Исполняющим обязанности ректора назначили профессора Веселина Кесича. Заупокойную литургию служили митрополит Феодосии и множество священников. Хор пел великолепно, и вообще все было прекрасно. Это было поистине торжество жизни!

И вот я подошла к концу жизни о. Александра на этой земле, но отнюдь не к концу его присутствия среди нас. Его студенты, его коллеги, его друзья и его семья постоянно ощущают и поддерживают его присутствие. Книги его читаются, некоторые из его сочинений опубликовали уже после его смерти, например книгу «Евхаристия. Таинство Царства». Я приняла трудное решение опубликовать дневники отца Александра и даже перевести их на английский язык и ни разу об этом не пожалела, поскольку это вызвало множество восторженных и благодарных откликов.

Эти воспоминания — мой способ благодарения за то счастье, что я поделила с Александром, и я повторяю вместе с ним: «Господи, хорошо нам здесь быть!»

13 декабря 2005 года